

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности

(код и наименование направлению подготовки / специальности)

Уголовно-правовая

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

на тему «Уголовная ответственность за злоупотребление должностными полномочиями»

Обучающийся

А.Ю. Мяги

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, Ю.О. Мещерякова

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2024

Аннотация

Актуальность темы настоящего исследования обусловливается тем, что такие преступления, как злоупотребление должностными полномочиями, представляют повышенную общественную опасность вследствие того, что совершаются как бы «изнутри», то есть, самими должностными лицами, призванными служить государству, выполнять государственные задачи и обеспечивать выполнение функций государства в пределах их компетенции. К сожалению, число преступлений, совершаемых против государственной власти, в нашей стране остается стабильно высоким, и заметной тенденции к их снижению пока не обнаруживается.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие по поводу совершения преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, а также закономерности регламентации ответственности за данное преступление.

Предметом исследования выступают соответствующие нормы действующего отечественного уголовного законодательства, их исторические аналоги. литература по исследуемым вопросам, статистические данные, а также практика применения ст. 285 УК РФ судами Российской Федерации и другой собранный по данной теме эмпирический материал.

Целью исследования является углубление изучения избранной темы и формулирование на этой основе научно-обоснованных предложений по совершенствованию положений отечественного уголовного законодательства об ответственности за злоупотребление должностных.

Структура работы обусловлена целью и задачами настоящего исследования, она включает введение, три главы, объединяющее семь параграфов, заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Исторические и компаративистские аспекты регламентации ответственности злоупотребление должностными полномочиями	9
1.1 Исторический опыт развития отечественного законодательства об уголовной ответственности за злоупотребление должностными полномочиями	9
1.2 Сравнительно-правовой анализ регламентации ответственности за злоупотребление должностными полномочиями в уголовном законодательстве некоторых зарубежных стран	16
Глава 2 Юридический анализ состава злоупотребления должностными полномочиями	24
2.1 Объективные признаки состава злоупотребления должностными полномочиями	24
2.2 Субъективные признаки состава злоупотребления должностными полномочиями	33
2.3 Квалифицирующие признаки злоупотребления должностными полномочиями	39
Глава 3 Вопросы квалификации злоупотребления должностными полномочиями, возникающие в современной правоприменительной практике, и основные направления ее совершенствования	43
3.1 Критерии отграничения злоупотребления должностными полномочиями от смежных составов	43
3.2 Сложные вопросы квалификации злоупотребления должностными полномочиями и пути их решения	52
Заключение	60
Список используемой литературы и используемых источников	65

Введение

Актуальность темы настоящего исследования обусловливается тем, что такие преступления, как злоупотребление должностными полномочиями, представляют повышенную общественную опасность вследствие того, что совершаются как бы «изнутри», то есть, самими должностными лицами, призванными служить государству, выполнять государственные задачи и обеспечивать выполнение функций государства в пределах их компетенции. К сожалению, число преступлений, совершаемых против государственной власти, в нашей стране остается стабильно высоким, и заметной тенденции к их снижению пока не обнаруживается.

В текущем десятилетии, несмотря на значительные усилия государства по борьбе с коррупцией, проблемы в области законности действий сотрудников правоохранительных структур и судебной системы остаются актуальными и часто воспринимаются как обыденность. Отсутствует заметный прогресс в улучшении профессиональных и этических стандартов среди новых сотрудников государственных и муниципальных органов.

Злоупотребление полномочиями должностными лицами происходит, когда они, действуя из корыстных мотивов или других личных интересов, используют свои законные права неправомерно и в ущерб интересам службы. Это также относится к одной из форм превышения полномочий, когда действия выполняются в рамках компетенции, но без наличия необходимых по закону или подзаконным актам условий. Хотя незаконность действий в случае превышения полномочий обычно является очевидной, при злоупотреблении такая очевидность может отсутствовать.

Поэтому ключевым аспектом становится установление и доказывание такого признака злоупотребления, как действия «вопреки интересам службы». Важно отметить, что уголовное законодательство не содержит четкого определения понятия «интересы службы», что затрудняет квалификацию действий как преступные на основании этого критерия. Определение данного

термина и признаков злоупотребления имеет критическое значение для правильной оценки подобных деяний.

Должностное злоупотребление известно с древних времен – еще до образования единого древнерусского государства каждое княжество стремилось улучшить свое положение. В отечественной литературе отмечается, что реформа княгини Ольги об установлении особого порядка сбора дани «стала первой попыткой противодействию злоупотреблению полномочиями». Очевидно, что впоследствии законодательство в этой сфере существенно изменялось в целях приведения его в соответствие уровню социально-экономического и политического развития государства, общества и права.

На сегодняшний день особая роль должностных лиц в системе государственной и муниципальной службы обуславливается тем, что они обладают большим кругом полномочий и это порождает повышенную опасность и распространенность как вообще преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, совершаемых должностными лицами, так и непосредственно злоупотребление должностными полномочиями [56].

Таким образом, исторический анализ норм отечественного права показывает, что преступления, совершаемые лицами, призванными служить закону, являются крайне негативной формой социальной коррозии. Они существуют вне зависимости от формы государственного устройства, формы правления и политического режима. Следовательно, изучение, анализ и совершенствование уголовно-правовых норм об ответственности за злоупотребление должностных полномочий и практики их применения, остается и будет оставаться актуальным в ближайшем обозримом будущем.

Степень научной разработанности темы исследования. Исследование проблематики ответственности за злоупотребление должностными полномочиями и вопросов, связанных с квалификацией таких действий, продолжается уже на протяжении многих десятилетий и имеет актуальность

не только в пределах Российской Федерации, но и в мировом масштабе, особенно в странах с развитой правовой системой. Анализ уголовно-правовых норм, в частности статьи 285 Уголовного кодекса РФ, и их применение к разнообразным ситуациям в жизни обнаруживает различные трактовки и подходы в теории и на практике. В значительной мере к развитию теоретических аспектов и улучшению практики применения данных норм права способствовали работы множества ученых и специалистов в области уголовного права. Среди них выделяются такие имена, как А.И. Бойко, А.В. Галахова, Б.В. Здравомыслов, А.А. Пионтковский, Е.А. Подковыров, Г.Р. Смолицкий, Б.В. Волженкин, А.Я. Светлов, П.С. Яни и другие. Эти исследователи внесли значительный вклад в понимание и интерпретацию злоупотребления должностными полномочиями, обогатив как теоретическую базу, так и методологию правоприменения.

Тем не менее, несмотря на обширную научную и практическую работу в этой сфере, существуют определенные вопросы и проблемы, которые до сих пор не нашли однозначного решения. Это подчеркивает необходимость продолжения глубокого научного исследования данной тематики. Непрерывное изучение и анализ существующих проблем, связанных со злоупотреблением должностными полномочиями, требуются для дальнейшего совершенствования правовой системы, уточнения законодательства и оптимизации практики его применения, что в конечном итоге способствует повышению эффективности борьбы с данным видом преступлений.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие по поводу совершения преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, а также закономерности регламентации ответственности за данное преступление.

Предметом исследования выступают соответствующие нормы действующего отечественного уголовного законодательства, их исторические аналоги. литература по исследуемым вопросам, статистические данные, а

также практика применения ст. 285 УК РФ судами Российской Федерации и другой собранный по данной теме эмпирический материал.

Целью исследования является углубление изучения избранной темы и формулирование на этой основе научно-обоснованных предложений по совершенствованию положений отечественного уголовного законодательства об ответственности за злоупотребление должностных.

Для достижения поставленной цели были поставлены и решались следующие задачи:

- рассмотреть исторический опыт развития отечественного законодательства об уголовной ответственности за злоупотребление должностными полномочиями;
- провести сравнительно-правовой анализ уголовно-правовых норм об ответственности за злоупотребление должностными полномочиями в уголовном законодательстве некоторых зарубежных стран;
- рассмотреть содержание объективных признаков в составе злоупотребления должностными полномочиями;
- исследовать субъективные признаки состава злоупотребления должностными полномочиями;
- раскрыть содержание квалифицирующих признаков злоупотребления должностными полномочиями;
- выделить критерии отграничения злоупотребления должностными полномочиями от смежных составов;
- выявить проблемы, относящиеся к квалификации злоупотребления должностными полномочиями, и предложить варианты их решения.

Теоретическая и практическая значимость выпускной квалификационной работы заключается в том, что сформулированные в ней теоретические выводы, предложения и рекомендации могут быть использованы в проведении дальнейшей разработки избранной темы другими авторами и способы помочь правоприменителю в решении спорных вопросов

квалификации злоупотребления должностными полномочиями при расследовании данного преступления.

Методология и методы выпускной квалификационной работы. Методологической основой исследования, наряду с всеобщим диалектическим методом научного познания, использовались и иные общенаучные (метод анализа, синтеза, дедукции, индукции) и частно-научные методы исследования (сравнительно-исторический, сравнительно-правовой, логико-юридический, метод анализа документов и др.).

Теоретическую основу исследования составили труды названных выше ученых-юристов, иные монографии, учебники, а также новейшие научные публикации, посвященные избранной теме и опубликованные в периодической печати

Эмпирической базой исследования послужили официальные статистические данные, материалы судебной практики, Постановления Пленума Верховного Суда РФ, приговоры судов общей юрисдикции по делам о злоупотреблении должностными полномочиями

Нормативно-правовую базу выпускной квалификационной работы составили: Конституция Российской Федерации, уголовный кодекс Российской Федерации и прежнее утратившее силу иные законы и подзаконные акты по вопросам противодействия злоупотреблениям должностными полномочиями.

Структура работы обусловлена целью и задачами настоящего исследования, она включает введение, три главы, объединяющее семь параграфов, заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Исторические и компаративистские аспекты регламентации ответственности злоупотребление должностными полномочиями

1.1 Исторический опыт развития отечественного законодательства об уголовной ответственности за злоупотребление должностными полномочиями

Коррупция, как явление, проникает во все аспекты жизни общества, включая политическую, социальную и экономическую сферы нашей страны. На фоне криминогенной ситуации, пронизывающей все уровни власти, у граждан складывается впечатление о неспособности государства эффективно бороться с этим разрушительным и антисоциальным феноменом.

Существует распространенное мнение среди населения, согласно которому коррупция воспринимается как «преступление без жертв». Это мнение базируется на представлении о том, что пострадавшие от коррупционных действий лица часто не могут адекватно доказать свою жертвенность. В то же время, коррупция может быть определена как неправомерное действие, представляющее общественную опасность и влекущее за собой юридические последствия [45, с. 150].

При анализе коррупции можно выделить два подхода: повседневное понимание, которое ограничивается лишь видимыми последствиями неправомерных действий, и доктринальное, которое рассматривает коррупцию как процесс, включающий злоупотребление должностными полномочиями и сопутствующие правовые последствия.

Исторически злоупотребление полномочиями рассматривалось как действия, создающие социальный конфликт между поступками чиновников и интересами общества. Таким образом, злоупотребление должностными полномочиями, являясь типичным проявлением коррупции, носит явные

политические оттенки, несмотря на долгое отсутствие точного правового определения [36, с. 12].

Уже на самом раннем этапе становлении государственности в древней Руси, в период появления и развития уголовных законов существовала ответственность за должностные злоупотребления властью, включая превышение своих полномочий и использование их в корыстных целях [30].

Начиная с IX века, появляются «кормленые округа», управляемые воеводами, которые назначались князьями. В целях предупреждения злоупотребления властью со стороны воевод князь выдавал им «уставные грамоты», устанавливающие рамки их власти (их компетенцию). По своей сути данный документ определил и размер пошлин и «кормов», взимаемых с населения. То есть, таким образом, государство охраняло население от превышения полномочий чиновников аппарата местного самоуправления [34, с. 18].

«Были изданы Двинская (1397 – 1398 гг.) и Белозерская (1488 г.) уставные грамоты. Белозерская уставная грамота, адресованная местному населению, детально регламентировала всевозможные повинности населения по отношению к центральной власти – наместникам государя, в ней были тщательно регламентированы их административные и судебно-финансовые полномочия, что позволяло отграничить дозволенное от недозволенного» [24, с. 230].

Вечевые грамоты, дополняющие Русскую Правду, также акцентировали внимание на борьбе с должностными злоупотреблениями. Примером служат Псковская (1397 г., пересмотренная в 1467 г.) и Новгородская (1471 г.) судные грамоты, которые в основном повторяли положения Русской Правды, касающиеся злоупотреблений. Эти документы, запрещающие превышение налогов с населения, оставались формальными и не включали санкции за их нарушение [25, с. 13].

С развитием социальных отношений в средневековой Руси возникла необходимость изменения судебной системы, что привело к принятию

Судебника Великокняжеского в 1497 году. Впервые в этом документе было запрещено получение материальных благ (посулов) государственными чиновниками при ведении судебных дел [14].

История развития норм, регулирующих ответственность за должностные преступления, демонстрирует постепенное усложнение и детализацию законодательных мер. Соборное уложение, введенное в 1649 году при царе Алексее Михайловиче, стало основополагающим документом, определяющим уголовную ответственность за корыстные злоупотребления. Статья 16 главы X "О суде" Соборного уложения закрепляла ответственность судебных чиновников за вымогательство взяток, указывая на штрафы в качестве наказания, что, однако, не всегда эффективно пресекало преступные действия [24, с. 230].

Эволюция уголовного законодательства получила новый импульс в эпоху Петра I, который ввел ответственность не только за получение, но и за дачу взяток. Указ от 23 августа 1713 года предусматривал весьма строгие меры наказания, доходящие до смертной казни и ссылки на каторги, что отражало желание монарха кардинально бороться с коррупцией. Петр I также заложил основы для системы контроля за деятельностью чиновников, основав институт фискалов, хотя и этот механизм не был лишен недостатков [49].

В 1724 году был издан новый указ Петра I, который расширил сферу ответственности за должностные преступления, включив в нее интересы государства и государственной службы, предусмотрев смертную казнь с конфискацией имущества за подобные деяния [48, с. 7].

Правление Екатерины II привело к значительным реформам в управлении государством, в том числе к децентрализации власти и созданию новых исполнительных и судебных органов на местах, что было направлено на эффективную борьбу с должностными злоупотреблениями. Важным шагом стало создание Совестного суда, целью которого была защита граждан от любых форм злоупотреблений властью. Екатерина II внесла вклад в формирование законодательной базы по борьбе с взяточничеством, четко

определив его как преступление, подрывающее доверие между гражданином и государством [33, с. 186].

Таким образом, эволюция уголовного законодательства в России по вопросам ответственности за должностные злоупотребления отражает стремление к усилению законности и справедливости в государственном управлении, проявляя постепенный переход от общих норм к более детализированным и специализированным законодательным актам.

Можно утверждать, что именно с данного периода было положено начало государственной политики в развитии уголовно - правовых норм, предусматривающих уголовную ответственность должностных лиц за превышение власти или служебных полномочий [4].

С принятием Судебника Ивана III в 1497 году, закладывающего основы российского законодательства, и до начала XIX века, российское право в сфере борьбы с корыстными злоупотреблениями на государственной службе претерпело множество трансформаций. В этот период злоупотребление должностными полномочиями и взяточничество, первоначально воспринимаемые как нарушения правосудия, постепенно стали квалифицироваться как атаки на основы государственного устройства и честность служебной деятельности [20, с. 64].

В истории российского законодательства наблюдалась эволюция в отношении наказаний за взяточничество, которые варьировались от уплаты в тройном размере от суммы полученной взятки до смертной казни с конфискацией имущества в периоды правлений таких монархов, как Иван IV (Грозный) и Петр I. Однако со временем законодательство приобретало более гуманный характер в части применяемых санкций.

Значительный вклад в упорядочение законодательства внесло Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, введенное при императоре Николае I, где было закреплено понятие должностного превышения власти как отдельного вида преступления. Это Уложение

определяло наказание за действия, совершенные служащими без законных на то оснований.

Дальнейшее развитие правовой базы продолжилось с принятием Уложения 1866 года, которое, несмотря на отсутствие кардинальных нововведений в отношении преступлений против власти, положило основу для последующего правового регулирования. В период с 1881 по 1903 годы шла подготовка к принятию нового Уголовного уложения, утвержденного 22 марта 1903 года. Это уложение отражало углубление классовых противоречий в обществе и стремление правовой системы адаптироваться к меняющимся социальным условиям, значительно расширив рамки ответственности за должностные преступления. В частности, в главе 37 было выделено 51 составление преступлений, касающихся нарушений на государственной и общественной службе, что стало значимым шагом в развитии уголовного законодательства России в области борьбы с коррупцией и злоупотреблениями на службе.

«В Уголовном уложении 1903 г. было также дано законодательное определение понятия должностного лица, под которым понималось «всякое лицо, несущее обязанности или исполняющее временное поручение по службе государственной или общественной, в качестве должностного лица или полицейского, или иного стража, или служителя, или сельского, или мещанского управления» [17, с. 98].

В начале XX века, в эпоху значительных социально-экономических трансформаций и политических переломов, встал вопрос о необходимости законодательного закрепления ответственности высокопоставленных государственных служащих за разнообразные формы злоупотреблений, включая превышение должностных полномочий, бездействие, должностной подлог, а также взяточничество. Предложение от Союза «Освобождение» касалось введения ответственности за целенаправленные действия, противоречащие основному законодательству государства, причиняющие серьезный ущерб его интересам посредством ненадлежащего использования

властных полномочий. Была выдвинута идея об учреждении специализированного суда на основе вновь созданного закона. Однако, несмотря на активное обсуждение этих предложений в научных кругах, они так и не нашли отражения в законодательной реализации.

К моменту наступления 1917 года процесс формирования соответствующих нормативно-правовых актов был завершен, однако их практическая эффективность продолжала оставаться в тесной связи с общим курсом государственной политики и уровнем ответственности властных структур перед населением, особенно в аспектах защиты прав и свобод человека.

Злоупотребление должностными полномочиями в указанный период интерпретировалось через призму бездействия или превышения предоставленных властных прав, в некоторых случаях рассматривается как акт государственной измены. В условиях борьбы с подобными правонарушениями были созданы революционные трибуналы, полномочия которых определялись Декретом о суде № 1, положившим начало формированию системы судопроизводства, способствовавшей распространению массовых нарушений прав.

Уголовный кодекс РСФСР, принятый 1 июня 1922 года, стал первым документом, систематизирующим нормы декретного законодательства в области борьбы с должностными преступлениями. В соответствии со статьей 27 данного кодекса, должностные преступления описывались как нарушения установленного порядка, за что предусматривались суровые меры наказания, вплоть до 10 лет лишения свободы, а при наличии отягчающих обстоятельств – даже смертная казнь. При рассмотрении соответствующих дел Верховный суд РСФСР акцентировал внимание на элементах преступления, таких как применение угроз, использование оружия, совершение насильственных действий или осуществление действий, наносящих особую боль и унижающих человеческое достоинство.

«Статья 105 УК РСФСР 1922 г. впервые установила ответственность за злоупотребление властью, определенное как совершение должностным лицом действий, которые оно могло совершить единственно благодаря своему служебному положению и которые, не будучи вызваны соображениями служебной необходимости, повлекли за собой нарушение правильной работы учреждения или предприятия, или общественного порядка, или частных интересов отдельных граждан. Квалифицирующими обстоятельствами, указанными в ч. 2 ст. 105 УК РСФСР 1922 г. являлось совершение вышеуказанных действий «в корыстных или личных выгодах», или если они повлекли за собой особо тяжкие последствия» [11, с. 9].

В 1926 году состоялось принятие обновлённого Уголовного кодекса РСФСР, ознаменовавшее собой начало его действия с начала 1927 года. Этот кодекс выделялся введением специфических разделов, касающихся наказаний за преступления, связанные с должностными обязанностями, которые были систематизированы в третьей главе Особенной части. Трактовка понятия «должностное лицо» практически не претерпела изменений по сравнению с предшественником кодекса, за исключением модификации терминологии: замена «просветительских задач» на «профессиональные задачи» являлась одним из таких изменений [10, с. 239].

К 1960 году в новой редакции Уголовного кодекса РСФСР был пересмотрен подход к определению «должностного лица», при этом основное внимание было смещено с места работы на специфику выполняемых обязанностей.

Далее, Уголовный кодекс Российской Федерации, принятый 24 мая 1996 года Государственной Думой, внёс дополнительные уточнения, касающиеся статуса должностных лиц. Согласно этому кодексу, должностные функции могут быть исполнены исключительно лицами, занимающими позиции в структурах государственного и местного самоуправления, государственных или муниципальных учреждениях, а также в составе Вооружённых Сил и других военных формирований Российской Федерации.

В то же время, работники общественных объединений, политических партий и коммерческих организаций не подпадают под определение субъектов должностных преступлений [58, с. 101].

Уголовный кодекс РФ через статьи 201 и 204 уточняет, что лица, занимающие руководящие должности в частном секторе, не включаются в перечень возможных исполнителей преступлений, описываемых в 30 главе, тем самым исключая их из категории лиц, способных совершить должностные преступления.

Обновлённые положения об ответственности за злоупотребление должностными полномочиями подчёркивают, что уголовная ответственность наступает лишь в случае наличия действий, наносящих значительный вред правам и законным интересам граждан, организаций, а также обществу в целом или государственным интересам. В этом контексте понятие «вреда» было заменено на более широкое «нарушение».

Анализируя эволюцию российского уголовного законодательства, можно выделить формирование глубокого понимания коррупционных преступлений, которые максимально соответствуют требованиям и нормам современного правового пространства.

1.2 Сравнительно-правовой анализ регламентации ответственности за злоупотребление должностными полномочиями в уголовном законодательстве некоторых зарубежных стран

«По последним данным международной неправительственной организации Transparency International за 2023 год Новая Зеландия, Дания и Финляндия занимают лидирующие позиции, как наименее коррумпированные страны мира. Россия же занимает в этом рейтинге 138 место из 180» [2, с. 130].

В контексте борьбы с коррупцией Новая Зеландия представляет собой пример страны, где для предотвращения и противодействия коррупционным действиям задействовано множество государственных структур. Ключевую

роль в этом процессе играет Управление по борьбе с серьезными мошенничествами (SFO). Этот орган обладает широкими полномочиями, включая определение приоритетности расследований и требование необходимых для работы информационных ресурсов и документов.

Следует отметить, что Дания занимает второе место после Новой Зеландии в рейтинге стран с наименьшим уровнем восприятия коррупции, что свидетельствует о высокой эффективности датских антикоррупционных мер и общественном доверии к государственным институтам. В данной стране агентство международного развития Danida активно внедряет политику нулевой толерантности к коррупции как внутри организации, так и во внешних взаимоотношениях. В контрактную практику включены антикоррупционные условия, нарушение которых влечет за собой финансовую ответственность нарушителя и прекращение деловых отношений [27, с. 216].

Особое внимание в Дании уделяется усилению ответственности за коррупционные правонарушения. Так, за последние годы значительно увеличены сроки наказания за взяточничество как в государственном секторе, так и в частном. В частности, максимальный срок за получение взятки в государственных структурах был удвоен, а в частном секторе – более чем удвоен.

Итак, Новая Зеландия и Дания демонстрируют различные, но эффективные подходы к противодействию коррупции, акцентируя внимание как на превентивные меры и усиление контроля, так и на строгость наказаний за нарушения, что способствует формированию высокого уровня прозрачности и доверия к государственной власти [3, с. 42].

«Отдельного внимания заслуживает достаточной спорный опыт по борьбе с коррупцией Китая (79 место). Китайцы во все времена с особым уважением относились к чиновникам, позволяя им делать то, что не позволено в большинстве стран современного мира. Однако, были и суровые наказания, в том числе и смертная. За последние 15 лет за коррупционные действия были приговорены к смертной около 100000 человек» [26].

Сомали, по данным мировых рейтингов, занимает последнюю позицию с показателем в 8 баллов из 100, что ставит её в ряд самых коррумпированных государств мира. Данная страна характеризуется высоким уровнем конфликтности и коррупции, обусловленными отсутствием централизованной власти и противостоянием различных кланов и военизированных формирований за контроль над территориями, в том числе прибрежными зонами, которые находятся под угрозой пиратства.

Факторы, способствующие распространению коррупции в таких условиях, включают в себя низкий уровень доходов госслужащих, отсутствие должного уровня ответственности за противоправные действия, недостаточную квалификацию бюрократического аппарата и слабую эффективность механизмов контроля за коррупцией. Кроме того, нередко наблюдается толерантное отношение высшего политического руководства страны к административной коррупции, что только усугубляет ситуацию.

В контрасте с таким положением вещей, развитые страны демонстрируют ряд действенных подходов к противодействию коррупционным проявлениям. В их числе:

- активная антикоррупционная политика со стороны государственных органов, направленная на устранение различных аспектов коррупции;
- комплексная профилактика коррупции в бизнес-секторе и анализ нормативно-правовой базы;
- внедрение системы подачи анонимных жалоб через Интернет;
- регулярное обновление и поддержание информационной открытости через веб-сайты, обеспечивающие доступ к данным о деятельности государственных органов;
- ужесточение законодательства в области борьбы с коррупцией;
- проведение обязательных проверок на полиграфе для определённых категорий государственных служащих [31].

Таким образом, эффективная борьба с коррупцией требует комплексного подхода, включающего усиление законодательной базы, повышение прозрачности деятельности госорганов и активизацию общественного контроля.

По ходу анализа законодательства ряда мировых стран, в которых наблюдается низкий уровень коррупции в государстве, по нашему мнению, выделены самые интересные.

США - это одни из первых стран, которые на законодательном уровне власти установили запрет юрлицам вести коррупционные дела. Этот запрет был введен в законодательстве США в связи с борьбой против коррупции за рубежом. Поводом стали случаи, когда осуществлялись сомнительные сделки или выплаты на более чем 250 млн. долларов с иностранными компаниями и политическими партиями. В основном это проводилось в целях защиты внутреннего бизнеса [35, с. 213].

При нарушении законодательства США по данному закону юридическое лицо должно оплатить штраф в размере не превышающим 2 млн. долларов и к тому же возместить ущерб государству или организации. А вот в отношении физлица применяется штраф в 100 тысяч долларов США или тюремное заключение до 5 лет.

При этом стоит отметить то факт, что в США информаторы, предоставляющие информацию о коррупции, могут рассчитывать на определенную плату, то есть на 10–30 процентов от суммы ущерба штатов. При использовании данных находящихся в открытом доступе уголовные дела в США возбуждает Министерство юстиций США и, конечно же, комиссия по бирже и ценным бумагам. В 2015 г. в министерстве юстиций было открыто 10 дел против физических и юридических лиц, а второй инстанцией 11 дел, что в общем сохранило в бюджете примерно 145 млн. долларов. При сравнении с 2014 г., видно снижение количества дел. В 2014 г. было 26 дел и вернулось в бюджет порядка 1.57 миллиардов долларов США. Стоит

отметить, что суды США обязаны оценивать действий юр. лиц на отсутствие или наличие коррупционного действия [46, с. 173].

Для информирования субъектов подпадающих под юрисдикцию США было издано специальное руководство по законодательству США.

Можно выделить 7 основных факторов, на которые обращает внимание правительство США:

- тяжесть и характер преступления;
- количественность нарушений в конкретной организации;
- наличие правонарушений со стороны организации;
- сотрудничество с органами власти, другими словами организация заранее сообщила о наличии правонарушения;
- сами меры противодействия коррупционного деяния в организации после выявления правонарушения;
- правовое преследование лиц, нарушивших закон; антикоррупционное управление в Дании.

Это одна из наиболее продвинувшихся стран в построении грамотного законодательства в борьбе с коррупцией. К примеру, в 2002 году был издан закон, по которому все члены правительства обязаны ежегодно публиковать сведения о доходах семьи и соответственно своих. При этом менталитет граждан Дании в силу сложившихся исторических, культурно-социальных условий в значительной степени обуславливает их антидевиантное поведение. В определенной мере это связано с достаточно активной работой пропаганды

Законодательство Дании частично основано на конвенции ООН в противодействии коррупции. Включая в себе 20 нормативно-правовых актов, при которых предусматривается, как уголовная, так и административная ответственность юридических и физических лиц.

УК Дании предоставляет следующие наказания для служащих:

- штраф;
- лишение свободы до 6 лет [60, с. 20].

Правовая основа также предусматривает, что все члены парламента могут получить всю информацию о позиции всех министров по вопросам, входящим в их компетенцию. И как раз в связи с этим в письменной форме на заседании датские чиновники отвечают на запросы других министров, из-за подозрений в коррупции. И самое интересное это, то что подавляющая часть антикоррупционной борьбы завязана на местных СМИ. Даже простейшая статья о правонарушении со стороны чиновников может привести к расследованию со стороны правоохранительных органов. Возможно, в связи с этим всего лишь 1 процент датчан давали взятки.

В Новой Зеландии политика проводится так, что в стране создано большое количество учреждений, противостоящих коррупции. К примеру, SFO (ведомство по борьбе с коррупцией в особо больших размерах). Данный отдел может потребовать у любого гражданина совершенно любые документы: от почтальона до премьер-министра. Так же, как и в Дании здесь развито СМИ в противодействии коррупции. Они в прямом смысле могут отследить все деньги и физическое имущество политиков и чиновников.

Коррупционер уличенный в правонарушении подлежит наказанию в виде лишения свободы на 2 года, либо в виде штрафа в 2 тысячи долларов (новозеландских). Но на практике в большинстве случаев чиновники приговариваются к домашнему аресту от 1 до 5 лет.

Приводя опыт западных стран, мы заметили, что в основе таких стран в противодействии коррупции стоит мягкое законодательство, но крайне эффективное. А что если мы заглянем по другую сторону баррикад? Или другими словами посмотрим на крайне строгое законодательство страны, в которой борьба с коррупцией ведется вплоть до применения смертной казни. Китайская народная республика находится в списке тех стран, где рейтинг коррупции низкий, но все же далековат от уровня стран, о которых мы говорили выше. Странным нужно назвать факт, что при сроках в 10-20 лет или пожизненного, или вообще расстрела, за последнее время в Китае коррупционеров стало, только больше. Это говорит нам, что система одного

лишь кнута не работает, а это значит, что введение жестких мер еще не приводит к победе над коррупцией. Антикоррупционная деятельность в республике разделена на 3 ветви власти. Это министерство контроля, центральная комиссия партии Китая по проверке дисциплины и государственное управление по противодействию коррупции. Основной же профилактикой в Китае является ротация огромного числа кадров, для предотвращения дружеских связей на работе, которые могут привести к появлению коррупции. Также, к примеру, любое замедление в реагировании на коррупционные действия со стороны правоохранительных органов и органов государственной власти расценивается, как пособничество коррупционному действию и является преступлением с отягощающими обстоятельствами.

В КНР власть строго следит, чтобы в обществе не распространялась практика коррупции. Опыт Китая, а именно опыт строгих наказаний показал, что отдельный пример в некоторых случаях может быть двояким, коррупция все так же развивается в системе органов власти, но в то же время наказания и само законодательство является эффективным в борьбе с коррупцией, как бы это не было парадоксально [47, с. 150].

Следует отметить, что анализ опыта борьбы с коррупцией ряда стран показывает, что полностью искоренить коррупцию не удастся ни одному государству, но снизить ее порог вполне возможно и реализуемо. И этот опыт следует максимально использовать в отечественной практике.

Сопоставляя законодательные меры по борьбе со злоупотреблением должностными полномочиями в нашей стране и в других государствах, следует отметить, что по сравнению с некоторыми из них (те же Дания, Новая Зеландия и т.д.) уголовно-правовые меры у нас весьма жесткие. Например, по некоторым квалифицированным составам коррупционных преступлений уголовное наказание предусмотрено до 15 лет лишения свободы (ст. 290 ч.6, 291 ч.5 УК РФ). Предусмотрены у нас и превентивные меры, такие как, декларирование доходов, всевозможные запреты на осуществление

коммерческой и иной деятельности госслужащих и т.п. При этом репрессивные санкции не столь жесткие как в том же Китае. Очевидно, что совокупность указанных мер, в том числе и мер ответственности за коррупцию, не является единственным механизмом, обеспечивающим стопроцентную эффективность в борьбе с данным злом. Безусловно надо учитывать в каждой стране свои особые условия исторического, социально-экономического и политического развития и становления государства и общества, менталитет проживающих в нем граждан. Многовековая история человечества показывает, что универсального средства от коррупции еще пока не придумано.

В то же время, надо понимать, что, так называемые рейтинги коррупционности тех или иных стран весьма условны. Так критерии оценки вышеназванной организации (Transparency International) не могут быть одинаково приемлемы для очень и очень разных по своему экономическому социально-культурному и политическому устройству стран мира. К тому же надо учитывать и определенную тенденциозность со стороны, так называемых международных организаций, по отношению к России, безусловно, не в пользу последней.

Глава 2 Юридический анализ состава злоупотребления должностными полномочиями

2.1 Объективные признаки состава злоупотребления должностными полномочиями

Объект преступления является ключевым элементом состава преступления и занимает важное место в его структуре. В уголовном праве Российской Федерации объект преступления классифицируется на основе законодательной типизации: родовой, видовой и непосредственный объекты. Эти понятия отражают слои интересов или благ, которые охраняются уголовным законом от преступных посягательств.

В истории российского уголовного права существовали различные теории определения объекта преступления. По мнению К.З. Кафланова, объектом могут быть как отдельные лица, так и группы лиц, чьи материальные или нематериальные ценности находятся под уголовно-правовой защитой. Эта позиция нашла свое продолжение в современных трудах Г.П. Новоселова, который видит в лицах или их совокупности цель преступного воздействия, в результате которого возникает угроза или причинение вреда [16, с. 303].

Альтернативный подход предложил В.А. Коновалов, определив объект преступления как охраняемое уголовным законом благо. Согласно его теории, объектом должны считаться интересы и блага, защищенные законом, на которые преступление непосредственно направлено [18, с. 43].

В контексте должностного злоупотребления в качестве непосредственного объекта иногда выступает авторитет общественного и государственного аппарата. Однако многие авторы критикуют эту идею, указывая на то, что авторитет представляет собой скорее этическую категорию и, следовательно, не может быть объектом уголовного преследования. Авторитет государственной власти понимается как положительное отношение

граждан к деятельности государственных органов или власти в целом, что делает его сложным для юридической квалификации в рамках преступлений.

В прошлом, специализированные юридические издания часто отмечали схожесть между конкретными целями злоупотреблений, связанных с должностными полномочиями, и общими целями такого рода преступлений. Аналитик А.Б. Сахаров критиковал попытки разделить эти две сферы, утверждая, что такие разграничения приводят к созданию искусственных и бесполезных теоретических моделей. Он утверждал, что из-за этого существует основание полагать, что общие и конкретные цели в категории должностных преступлений совпадают [23].

Не все исследователи разделяли упомянутую перспективу. В частности, критические замечания по этому поводу высказали А.А. Лесняк и А.А. Тютёва, которые уверенно опровергали ее, подчеркивая, что каждый акт, нарушающий установленные нормы функционирования государственной машины, является преступлением в должностной сфере. Нарушения, затрагивающие работу государственных или муниципальных служб, приводят к серьезному ущербу для прав и законных интересов как отдельных лиц, так и организаций, влияя отрицательно на благополучие общества и страны в целом.

В дополнение, могут быть подвергнуты риску физическое благополучие, личные свободы, репутация и самоуважение человека, а также его права на владение имуществом. Эти элементы выделяют возможность присутствия других целей в структуре преступного акта, что значительно воздействует на точность определения характера противоправных действий и установление адекватного воздействия в виде наказания.

Ю.А. Нисневич в своих работах указывает на то, что под дополнительным прямым объектом преступления понимается общественное отношение, которое, хоть и не становится причиной преступления в первую очередь, неизбежно оказывается под угрозой или получает урон в процессе нарушения основного объекта [29, с. 34].

В рамках неправомерного использования властных полномочий можно рассматривать совокупность отношений в обществе, которые регулируются законодательством и направлены на поддержание законного функционирования органов государственного управления и местного самоуправления. Это включает в себя различные уровни государственного аппарата, в том числе государственные учреждения и муниципальные организации, а также структуры управления вооруженных сил и других военных подразделений России. Прямым предметом злоупотреблений являются отношения внутри определенного сегмента государственной или муниципальной службы, которые поддерживают их законное функционирование [52].

Одна из четырех ключевых характеристик, определяющих преступление, - это его объективная составляющая. П.Д. Калмыков подчеркивал важность этой составляющей для начала уголовного дела, указывая на то, что она отражает уровень угрозы, которую действие представляет для общества [15, с. 43].

По словам П.А. Скобликова, мысли или намерения приобретают преступный характер только после их воплощения в действительность, переходя из сферы идей в материальный мир [51, с. 27].

В рамках уголовно-правовой науки разделяют две ключевые концепции в интерпретации объективных аспектов преступления. Первая концепция утверждает, что объективные аспекты следует воспринимать как последовательность событий, включающую в себя весь процесс от непосредственного акта нарушения до момента возникновения ущерба. Эта точка зрения придает значимость наблюдаемым проявлениям активных действий или пассивности, которые приводят к последствиям, угрожающим общественной безопасности.

В отличие от этого, вторая концепция, которая чаще используется в практике правоприменения на сегодняшний день, представляет объективные характеристики как неподвижный, фиксированный комплекс элементов.

Данный метод определяет фактические аспекты как набор характеристик, установленных в законодательстве, которые отображают внешние проявления преступного деяния. В данном случае фактические аспекты охватывают конкретные действия или их отсутствие, влекущие за собой ущерб или потенциальную опасность ущерба для защищаемых уголовным кодексом объектов [47, с. 150].

В отношении статьи 285 Уголовного кодекса Российской Федерации, которая регламентирует неправомерное использование служебных полномочий, законодательство требует наличия всех трех элементов состава преступления, чтобы деяние могло быть признано преступлением.

Действия служащего, когда он использует свои официальные возможности против блага учреждения, могут проявляться как в явных поступках, так и в непринятии мер. Это приводит к нежелательным последствиям, которые нарушают права и интересы людей, а также затрагивают благополучие общества и государства. Существует прямая связь между поведением служащего и возникшими вредными последствиями, что показывает, что именно его неправомерные действия или бездействие стали причиной этих проблем. Следовательно, реальное воздействие преступления, определенного статьей 285 Уголовного кодекса Российской Федерации, включает в себя не просто сам факт поведения служащего, но и вытекающие из него последствия, а также связь между ними [54].

Неправомерное использование служебного статуса может проявляться как через активные действия, так и через отсутствие необходимых действий. Эта особенность выделяет его из категории превышения служебных полномочий, описываемой в статье 286 Уголовного кодекса РФ, где речь идет исключительно о действиях, выходящих за рамки предоставленных прав и обязанностей. Ведь «превышать» подразумевает активное действие, выходящее за границы разрешенного, что не применимо к бездействию. В.Ф. Цепелев характеризует действие как элемент преступления,

выражающийся в намеренной, активной деятельности, опасной для общества, которая нарушает защищаемые уголовным законом общественные связи.

Когда индивид, несущий законные обязательства к активным действиям, сознательно избегает их выполнения, несмотря на способность это сделать, такое бездействие в сфере уголовного законодательства считается преступлением. Случаи, когда служащий, обладая властными полномочиями, преднамеренно игнорирует свои служебные задачи или права для личной выгоды, являются примерами злоупотребления через бездействие. Г.В. Тимейко описывает бездействие как намеренное избегание действий, которые юридически необходимы и выполнимы, и которые могли бы избежать опасности или угрозы вреда для общества.

Раздел 285 УК РФ охватывает случаи, когда чиновники злоупотребляют своими официальными полномочиями, действуя против интересов службы. Такие злоупотребления могут выражаться как в конкретных действиях, так и в непринятии мер, при этом подразумевается, что эти действия или их отсутствие находятся в пределах их профессиональных обязанностей и регулируются законодательными актами, включая Федеральные законы, касающиеся государственной и муниципальной службы РФ, а также другие нормативные документы, которые определяют права и долги работников [55].

В 1960 году законодательство РСФСР вводило нормы, касающиеся наказания за неправомерные действия, связанные со злоупотреблением предоставленными полномочиями. Конкретно, это касалось недобросовестного использования привилегий своей должности в целях обогащения, в том числе применение рабочих контактов, документов, спецсредств или униформы в ущерб работе. Подобное поведение предполагало незаконное использование власти или удобств, связанных с профессиональной ролью человека, и могло включать манипулирование своим статусом для личной выгоды, что противоречило интересам государства или общества.

В своём решении от 16 октября 2009 года, под номером 19, Пленум Верховного Суда РФ уточнил аспекты, касающиеся неправомерного использования служебных полномочий. В пункте 15 данного документа подчёркивается, что действия служащих, которые, хотя и связаны с их профессиональными правами и обязанностями, но совершены без необходимости для службы и в конечном итоге противоречат как общим целям и стандартам, установленным для государственного управления и местного самоуправления, так и специфическим задачам, ради выполнения которых были предоставлены данные полномочия, должны рассматриваться как злоупотребление.

Определенные действия чиновника, осуществляемые из-за личной выгоды или других личных мотивов, которые не соответствуют законным требованиям или основаниям для их выполнения, должны рассматриваться как злоупотребление властью. О.В. Брежнев утверждает, что поступок противоречит интересам государственной службы, если он нарушает надлежащую работу какого-либо сегмента государственной системы, препятствует достижению целей, возложенных на эту систему, и если он осуществляется в нарушение законов и других правовых документов, вместо действий на основе этих законов [8, с. 259].

Примером может послужить ситуация с солдатом Кудрявцевым, который получил приговор от военного суда в Наро-Фоминске по обвинению в нарушении статьи, касающейся военной дисциплины. Кудрявцев был признан ответственным за преднамеренное утаивание информации о несанкционированном отсутствии солдата М. в рядах вооруженных сил. Это действие привело к незаконной выплате денег отсутствующему военнослужащему и нарушило ключевые принципы военной иерархии и безопасности, что, в свою очередь, подорвало дисциплину и порядок, установленные законами РФ и воинскими уставами [42].

Каждый акт злоупотребления служебным положением неизбежно приводит к возникновению последствий, угрожающих общественной

безопасности, которые могут проявляться по-разному: начиная с финансовых потерь и заканчивая ограничением основных прав и свобод граждан, снижением доверия к государственным институтам и нарушениями порядка в обществе. Определение того, что считается «значительным нарушением», может варьироваться в зависимости от деталей конкретного случая, так как универсального стандарта для этого нет. Это подразумевает необходимость углубленного изучения каждого инцидента злоупотребления властью для оценки его влияния и последствий на права граждан или интересы государства [59, с. 129].

Некоторые исследователи выступают за полное исключение этого критерия из основы рассмотрения дел, что объясняет разнообразие судебных решений по подобным случаям. В разделе 18 своего постановления от 16 октября 2009 года № 19, Верховный Суд РФ разъясняет по этому поводу, что серьезное нарушение прав граждан или организаций из-за неправомерного использования служебных полномочий или их превышения должно трактоваться как ущемление прав и свобод индивидов и коллективов, которые защищены универсальными декларациями и стандартами международного права, а также Конституцией РФ [37].

Для оценки важности ущерба критично анализировать, насколько незаконные действия нарушили стабильность функционирования компании, объем и серьезность экономических потерь, количество пострадавших лиц, а также глубину нанесенного им урона, будь то физический, эмоциональный или финансовый вред и прочие аспекты. В результате, решение о признании нарушений прав и интересов людей как значимых требует глубокого изучения всех деталей произошедшего инцидента. В ситуациях, когда рассматриваются случаи злоупотребления властью служащими, важно тщательно определить степень их вины.

Важно точно установить, какие конкретные полномочия и ответственности, присвоенные определенной должности, были игнорированы,

и выяснить, в какой степени и какие точные права и законные интересы были ущемлены в результате преступного деяния.

В качестве примера такой методики можно привести случай, который был рассмотрен в Ступинском муниципальном суде Московской области, где полицейского К. признали виновным в нарушении части 1 статьи 285 Уголовного кодекса Российской Федерации. Данный сотрудник полиции обладал полномочиями на прием и регистрацию сообщений о преступлениях, а также на выполнение предварительных проверок, что было закреплено в его рабочих инструкциях и в соответствии с Федеральным законом о полиции [43].

Вместо выполнения своих профессиональных обязательств, данный индивидум подделал документацию, касающуюся жалобы пострадавшей А., ложно заявив о её желании не привлекать преступника к ответственности. Это привело к незаконному закрытию расследования, нарушив статьи 144-145 Уголовно-процессуального кодекса РФ, тем самым препятствуя справедливости и ущемляя конституционные права жертвы, защищённые статьёй 52 Конституции РФ. Ключевой момент в оценке преступления заключается в установлении прямой связи между бездействием или действиями чиновника и возникшими в результате этого общественно опасными последствиями.

Это подразумевает необходимость для следствия установить, что именно действия, находящиеся в рамках ответственности определенного чиновника, привели к ущербу для прав и интересов индивидов, общественности и государственных структур, а не были вызваны иными ситуациями или незаконными поступками. Такой процесс подтверждения позволяет точно следовать законодательству и определять справедливое воздаяние, которое отражает серьезность вины и последствия совершенного акта. Собственно, именно определенное поведение (активные действия или пассивность) этого служащего, выполненное в рамках его служебных обязанностей и противоречащее целям его должности, стало катализатором

для нарушения прав и законных интересов личностей, общественности и государственных органов.

Концепция причинно-следственной связи опирается на три основных элемента: последовательность во времени, фактическую способность и неотвратимость результата. Важно установить, что источник события произошел до наступления вредоносных итогов, особенно когда рассматриваются действия лиц, занимающих официальные должности. Следует анализировать, могло ли это лицо фактически вызвать определенные негативные последствия, и были ли эти последствия прямым и неотвратимым исходом его противоправных поступков.

Лишь когда определенные стандарты будут совместно применены, становится возможным утверждать о наличии связи между незаконными поступками служебного лица и возникновением последствий, угрожающих общественной безопасности [1, с. 613].

В случае с инспектором П., признанным Зимовниковским районным судом Ростовской области виновным в злоупотреблении должностными полномочиями, демонстрируется яркий пример, как должностное положение использовалось вопреки законным интересам государства и общества. Инспектор, задействованный в контроле за оборотом оружия, боеприпасов и соблюдением соответствующего законодательства, использовал свои полномочия для личной выгоды, введя в заблуждение гражданина Н. о необходимости платить высокий штраф за якобы нарушение правил хранения оружия. Это привело к изъятию и последующей продаже охотничьего ружья, что является явным примером злоупотребления должностными полномочиями [40].

«Данный случай иллюстрирует, как объективная сторона преступления - действия, нарушающие законные права и интересы граждан, а также причиняющие имущественный ущерб, - вместе с объектом преступления - в данном контексте законные интересы гражданина и порядок оборота оружия,

охраняемые уголовным законом - определяют общественную опасность совершенного деяния» [13, с. 11].

Такие дела подчеркивают необходимость точного определения и доказательства всех элементов уголовного состава преступления, включая доказательство того, что преступные действия или бездействия должностного лица непосредственно привели к наступлению общественно-опасных последствий. Это подтверждает важность не только правильного квалификации действий согласно уголовному кодексу, но и адекватного наказания, соответствующего степени вины и причиненного ущерба.

2.2 Субъективные признаки состава злоупотребления должностными полномочиями

Субъективная сторона преступления представляет собой важный элемент уголовно-правовой квалификации, выражающийся в отношении лица к его деянию и его последствиям. Этот элемент включает в себя вину, мотив и цель совершенного акта. Вина, как ключевой аспект субъективной стороны, определяет психологическое отношение преступника к собственным действиям и их исходу, разделяясь на умышленную и неосторожную.

Умысел, являющийся формой вины, складывается из двух компонентов: интеллектуального и волевого. Интеллектуальный компонент подразумевает осознание лицом общественной опасности своего поведения и предвидение возможных последствий действий. Волевой компонент выражается в отношении к предвидимым последствиям, что может проявляться в желании их наступления, сознательном допущении этих последствий или безразличии к ним. Таким образом, умысел отражает глубину психической вовлеченности лица в преступление и является основанием для уголовной ответственности только тогда, когда установлено, что лицо не только осознавало потенциальный вред от своих действий, но и могло его предвидеть [45, с. 71].

Такая структура умысла и вины в целом обеспечивает возможность точного юридического анализа действий преступника, позволяя судебным органам адекватно оценить мотивы и цели, стоящие за преступлением, и определить соответствующую меру наказания.

Применительно к злоупотреблению должностными полномочиями, существуют различные мнения о том, какая форма умысла присуща этому деянию. С.В. Кузякин утверждает, что злоупотребление полномочиями совершается только с прямым умыслом, когда должностное лицо намеренно стремится к наступлению определенных последствий как к цели своих действий. Однако в юридической литературе существует и противоположная точка зрения, которая предполагает возможность совершения этого преступления с косвенным умыслом. Согласно этой позиции, должностное лицо, возможно, не стремится прямо нарушить права и свободы граждан или причинить ущерб государству, но предвидит возможность таких последствий и относится к ним безразлично, основной мотивацией является желание извлечь личную выгоду [21, с. 152].

Для правильной квалификации действий должностного лица необходимо тщательное изучение субъективной стороны преступления, что включает анализ наличия вины, её формы - прямого или косвенного умысла, а также наличие специфического мотива, такого как корыстная или иная личная заинтересованность. Это критически важно для определения степени ответственности и выбора соответствующей меры наказания.

Прямой умысел предполагает, что должностное лицо осознано и желательно стремится к наступлению общественно опасных последствий своих действий. Косвенный умысел характеризуется осознанием возможности наступления таких последствий и мирится с ними. В обоих случаях для квалификации действий как уголовно наказуемых требуется наличие умысла, но особенно важен мотив преступления.

Если мотив корыстный или связан с личной заинтересованностью (например, карьеризм, желание приукрасить действительное положение дел),

это усиливает уголовную ответственность в рамках статьи 285 УК РФ. Отсутствие такого мотива может исключить преступление из указанной категории, отграничив его от других деликтов, таких как халатность или хищение.

Субъект преступления, связанного с злоупотреблением должностными полномочиями, является специальным субъектом — должностным лицом. Под данным термином понимается лицо, выполняющее функции представителя власти или организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных или муниципальных структурах, а также в организациях, контрольный пакет акций которых принадлежит государству. Это определение включает в себя широкий круг лиц, от государственных служащих до руководителей государственных корпораций.

Таким образом, юридическая квалификация действий должностного лица требует не только понимания формы его вины, но и анализа мотивов и целей, сопутствующих совершению преступления, а также чёткого определения статуса лица в контексте его должностных полномочий и занимаемой должности. Эти аспекты являются ключевыми для обеспечения правильного правоприменения и справедливости в привлечении к ответственности.

Как подчеркивали А.Н. Дерюга А.М. Борзунова для правильной юридической квалификации деяния важно, чтобы признаки специального субъекта были четко указаны в диспозиции соответствующей статьи Особенной части УК РФ или однозначно вытекали из её толкования, как это замечал В.В. Устименко. Это обеспечивает юридическую определенность и помогает избежать ошибок в применении закона, позволяя точно определить, кто именно может быть привлечен к ответственности за злоупотребление должностными полномочиями [12, с. 220].

Таким образом, понимание кто является специальным субъектом в контексте злоупотребления должностными полномочиями критически важно

для обеспечения правильного применения уголовного закона и гарантии того, что только те лица, которые действительно обладают соответствующими полномочиями и могут использовать их неправомерно, могут быть привлечены к ответственности.

Признаками должностного лица являются:

- «в соответствии с пунктом 1 примечаний к статье 285 УК РФ должностными признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации;
- к исполняющим функции представителя власти следует относить лиц, наделенных правами и обязанностями по осуществлению функций органов законодательной, исполнительной или судебной власти, а также, исходя из содержания примечания к статье 318 УК РФ, иных лиц правоохранительных или контролирующих органов, наделенных в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости, либо правом принимать решения, обязательные для исполнения гражданами, организациями, учреждениями независимо от их ведомственной принадлежности и форм собственности.
- под организационно-распорядительными функциями следует понимать полномочия должностного лица, которые связаны с руководством трудовым коллективом государственного органа, государственного или муниципального учреждения (его структурного подразделения) или находящимися в их служебном

подчинении отдельными работниками, с формированием кадрового состава и определением трудовых функций работников, с организацией порядка прохождения службы, применения мер поощрения или награждения, наложения дисциплинарных взысканий и т.п.

- к организационно-распорядительным функциям относятся полномочия лиц по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия (например, по выдаче медицинским работником листка временной нетрудоспособности, установлению работником учреждения медико-социальной экспертизы факта наличия у гражданина инвалидности, приему экзаменов и выставлению оценок членом государственной экзаменационной (аттестационной) комиссии).
- административно-хозяйственные функции надлежит рассматривать полномочия должностного лица по управлению и распоряжению имуществом и (или) денежными средствами, находящимися на балансе и (или) банковских счетах организаций, учреждений, воинских частей и подразделений, а также по совершению иных действий (например, по принятию решений о начислении заработной платы, премий, осуществлению контроля за движением материальных ценностей, определению порядка их хранения, учета и контроля за их расходом).
- представителем власти признается должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа, а также иное должностное лицо, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости» [9, с. 33].

Точно, субъектом злоупотребления должностными полномочиями согласно статье 285 УК РФ является специальный субъект - должностное лицо. Признаки должностного лица и место, где оно осуществляет свои

полномочия, четко определены в примечании к данной статье и подробно разъяснены в нормативных актах.

Для лиц, занимающих должности в органах местного самоуправления, уточнения о структуре и функциях этих органов содержатся в Федеральном законе от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». В соответствии с этим законом, «структура органов местного самоуправления включает представительные органы, глав муниципальных образований, исполнительно-распорядительные органы (местные администрации), контрольно-счетные органы и другие органы или выборные должностные лица, полномочия которых установлены уставом муниципального образования для решения вопросов местного значения» [57].

Должностные лица местного самоуправления могут включать, например, мэров, глав местных администраций и других лиц, которые наделены властью принимать административные решения и осуществлять организационно-распорядительные функции. Они обладают определенными полномочиями, благодаря которым могут как совершать действия в интересах граждан, так и злоупотреблять своим служебным положением.

Важно также отметить, что Постановление Пленума Верховного Суда от 16 октября 2009 года № 19 предоставляет дополнительные разъяснения относительно того, кто считается должностным лицом в контексте Уголовного кодекса, помогая тем самым уточнить круг лиц, которые могут быть привлечены к уголовной ответственности за злоупотребление полномочиями. Это особенно важно для обеспечения правильного и справедливого применения уголовного законодательства, а также для защиты прав и свобод граждан от неправомерных действий должностных лиц.

2.3 Квалифицирующие признаки злоупотребления должностными полномочиями

Квалифицированный состав злоупотребления должностными полномочиями включает признаки, повышающие степень общественной опасности данного преступления.

«В частности, ч. 2 ст. 285 УК РФ предусматривает ответственность за деяние, совершенное лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления. Данной нормой установлена более строгая уголовная ответственность должностного лица. Квалифицированный состав злоупотребления должностными полномочиями, обладает большой степенью общественной опасности ввиду того, что субъекты, совершающие преступление, предусмотренное ч.2 ст. 285 УК РФ, обладают более широким кругом полномочий, по сравнению с большинством должностных лиц, что влечет более тяжкие общественно опасные последствия» [55].

В примечании 2 к ст. 285 УК РФ раскрывается понятие лиц, занимающих государственные должности Российской Федерации, и согласно этой дефинитивной надписи, признаются «лица, занимающие должности, устанавливаемые Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами и федеральными законами для непосредственного исполнения полномочий государственных органов» [55].

Конституция Российской Федерации закрепляет следующие государственные должности:

- «Президент Российской Федерации;
- председатели обеих палат Федерального Собрания;
- депутаты Государственной Думы и члены Совета Федерации;
- Председатель Правительства и его заместители, федеральные министры;

- председатели и их заместители, судьи Конституционного Суда, Верховного Суда Российской Федерации и других федеральных судов;
- Генеральный прокурор» [19].

В соответствии с законодательством РФ, для злоупотребления должностными полномочиями субъектом может быть лишь специальный субъект, то есть должностное лицо. Подробный перечень таких должностей представлен в Указе Президента РФ от 11 января 1995 года № 32 «О государственных должностях Российской Федерации». В этот список входят высокопоставленные государственные деятели, такие как Президент, Председатель Правительства, его заместители, Генеральный прокурор, федеральные министры, председатели палат Федерального собрания и другие.

Примечание к статье 285 УК РФ уточняет, что субъектами преступления, связанного со злоупотреблением полномочиями, могут быть также лица, занимающие государственные должности субъектов РФ, установленные конституциями или уставами субъектов Федерации для непосредственного исполнения полномочий государственных органов. В дополнение, ч. 2 ст. 285 УК РФ включает в ответственность глав органов местного самоуправления всех уровней.

Примером может служить дело Л.А. Граубергер, главы муниципального образования "Новорождественское сельское поселение", которую Томский районный суд Томской области признал виновной по ч. 2 ст. 285 УК РФ и ч. 1 ст. 292 УК РФ за предоставление возможности обогащения третьим лицам за счет незаконной вырубki леса. Эти действия привели к значительному ущербу государства [44].

Некоторые авторы, такие как С.В. Смелова и коллеги М.М. Курманов и И.Х. Миннегулов, выступают за расширение круга субъектов данного квалифицированного состава преступления. Они предлагают включать в него также глав местных администраций и представительных органов местного самоуправления, аргументируя это тем, что данные должностные лица также

обладают значительными полномочиями и могут осуществлять злоупотребление в рамках своих функций.

Итак, важно не только четко определить круг лиц, которые могут быть привлечены к ответственности за злоупотребление должностными полномочиями, но и обеспечить юридическую защиту прав и законных интересов граждан от возможных злоупотреблений со стороны должностных лиц.

Особо квалифицированный вид должностного злоупотребления закреплён в ч. 3 ст. 284 УК РФ, в соответствии с которой предусматривается ответственность за деяния, предусмотренные ч. 1 и ч. 2 ст. 285 УК РФ, повлекшие тяжкие последствия.

Уголовный кодекс не раскрывает содержание понятия тяжкие последствия. Для квалификации деяния по ч. 3 ст. 285 УК РФ необходимо наличие в деянии должностного лица помимо всех элементов основного состава, наступление последствий, которые должны быть расценены как тяжкие, которые наступили именно в результате злоупотребления полномочиями должностного лица.

Для устранения расширенного толкования тяжких последствий необходимо раскрыть данное понятие в примечании к ст. 285 УК РФ:

- «под крупной аварией понимать материальный ущерб, превышающий 250000 рублей, по аналогии с «крупным размером» предусмотренным в примечании 4 к ст. 158 УК РФ;
- длительной остановкой транспорта или производственного процесса признать прекращение деятельности свыше 1 недели;
- значительный материальный ущерб выразить в сумме, превышающей 1000000 рублей, по аналогии с «особо крупным размером» предусмотренным в примечании 4 к ст. 158 УК РФ» [32, с. 372].

В юридической теории и практике важно четко различать формы вины и определить, какие именно последствия и по какой причине наступили в

результате действий или бездействия субъекта. По мнению И.Я. Козаченко и некоторых других авторов, существует представление, что преступление по части 3 статьи 285 УК РФ может совершаться с двумя формами вины: умысел относительно основного деяния и неосторожность относительно наступления тяжких последствий. Это мнение основывается на представлении о том, что должностное лицо умышленно совершает действие или бездействует, в то время как тяжкие последствия этих действий возникают как неожиданный и не преднамеренный исход.

Однако такая трактовка вызывает определенные споры в юридическом сообществе. В соответствии со статьей 293 УК РФ, халатность, как преступление, совершаемое по неосторожности, четко разграничивается по признаку вины. Халатность подразумевает небрежное или недобросовестное отношение к службе, в результате которого без намерения причиняется значительный вред.

В контексте статьи 285 УК РФ, квалифицированная форма преступления, которая предполагает наступление тяжких последствий, обычно требует четкого умысла на совершение основного деяния, при этом возможность наступления тяжких последствий может не осознаваться полностью. Таким образом, если тяжкие последствия наступают в результате деяний, совершенных с умыслом, но без предвидения этих конкретных последствий, то это может создать трудности в правоприменении и разграничении с халатностью.

Так, четкое определение содержания квалифицирующих признаков преступления важно для определения границ ответственности и дифференциации умысла и неосторожности в действиях субъекта. Правильное понимание и интерпретация уголовного закона помогает гарантировать, что субъекты, действующие с различными формами вины, будут привлекаться к ответственности справедливо и в соответствии с их действительным психологическим отношением к совершаемому преступлению и его последствиям.

Глава 3 Вопросы квалификации злоупотребления должностными полномочиями, возникающие в современной правоприменительной практике, и основные направления ее совершенствования

3.1 Критерии отграничения злоупотребления должностными полномочиями от смежных составов

В последнее время в Российской Федерации коррупция становится центральной темой в документах, анализирующих социально-экономическое состояние страны и эффективность борьбы с преступностью. Реализация мер по уголовно-правовой борьбе с коррупцией включает в себя усовершенствование законодательства, отвечающего за коррупционные преступления, а также улучшение практики их применения. Особое внимание заслуживает злоупотребление должностными полномочиями, что является одной из наиболее опасных форм коррупции, разрушающей доверие к государственной власти и снижающей её работоспособность. Скрытность таких злоупотреблений и недостаток прозрачности в действиях должностных лиц ведут к созданию безответственной культуры, которая серьезно осложняет борьбу с преступностью [28, с. 185].

Существующие сложности в применении статьи 285 УК РФ, регламентирующей ответственность за злоупотребление должностными полномочиями, включают недостатки законодательной формулировки и ошибки в правоприменении. По этой статье злоупотребление определяется как использование должностным лицом своих возможностей вопреки интересам службы, сопровождающееся корыстной или иную личной заинтересованностью, что приводит к значительному нарушению прав и законных интересов граждан или государства [55].

Для точного установления факта злоупотребления необходимо четко определить, какие именно нормативно-правовые акты регулируют деятельность должностного лица и какие из положений этих актов были

нарушены. В юридической литературе «под должностными полномочиями понимаются права и обязанности, предоставленные должностному лицу для исполнения функций представителя власти или выполнения административных задач. Это определение подчеркивает важность точного следования законам и нормам для предотвращения злоупотреблений и повышения эффективности государственного управления» [22, с. 14].

«Понятие «очевидного» выхода за пределы полномочий имеет субъективно-объективный характер и требует точного юридического анализа ситуации, чтобы определить, действовало ли должностное лицо сознательно и преднамеренно, выходя за рамки законных полномочий для достижения личных целей. Это ключевой момент для правильного правоприменения и обеспечения справедливости в отношении обвиняемого и защиты общественного интереса.

С одной стороны, выход за пределы предоставленных должностному лицу полномочий является явным, то есть очевидным, понятным, если не для всех, то хотя бы для конкретного круга лиц, включая самого субъекта преступления, а с другой стороны, этот очевидный выход должен быть очевидным для правонарушителя. Говорить об обязательности корыстного мотива согласно ст. 286 УК РФ будет не совсем правильным. Такой мотив как корыстная или иная личная заинтересованность является обязательным признаком субъективной стороны только в составе злоупотребления должностными полномочиями. На практике возникают трудности с разграничением данных составов и во многом это связано с наличием в них многих общих признаков» [53, с. 172].

«Согласно ст. 286 УК РФ, превышение должностных полномочий – это совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства.

Основным непосредственным объектом преступного превышения должностных полномочий тоже выступают, общественные отношения, обеспечивающую законную, деятельность государственного и муниципального аппарата власти и управления. В качестве дополнительного объекта выступают конституционные права и свободы человека и гражданина, их здоровье, честь и достоинство, отношения собственности, а также охраняемые законом интересы общества и государства» [5, с. 95].

Исходя из этого, можно сделать вывод:

- данные составы имеют одинаковый непосредственный объект преступного посягательства;
- в части дополнительного объекта имеются некоторые не всегда имеющие отличия в том, что при должностном превышении чаще может быть причинен вред здоровью, чести и достоинству гражданина, чем при должностном злоупотреблении полномочиями мы не наблюдаем.

В соответствии с нормами Уголовного кодекса Российской Федерации, «преступления, связанные с превышением и злоупотреблением должностными полномочиями, регулируются статьями 285 и 286. Должностные лица, которым приписывается ответственность по этим статьям, определены в примечании к статье 285 УК РФ» [55].

Разграничение между этими двумя видами преступлений происходит на основе анализа объективной и субъективной сторон. Объективная сторона превышения полномочий характеризуется активными действиями, которые несомненно превышают предоставленные полномочия. В контексте злоупотребления полномочиями, действия или бездействие осуществляются в рамках полномочий, но в ущерб служебным интересам.

Примером превышения полномочий может служить ситуация, когда полицейский во время допроса применяет физическое насилие, вызывающее телесные повреждения, что является нарушением закона. В случае же, когда

полицейский после допроса не регистрирует заявление о преступлении для сохранения статистики успеха своей работы, это рассматривается как злоупотребление полномочиями [41].

Субъективная сторона этих преступлений также различается: при злоупотреблении полномочиями требуется наличие корыстной или иной личной заинтересованности, что является ключевым элементом субъективной стороны данного деяния. Для превышения полномочий любой мотив, включая корыстные или личные интересы, может быть рассмотрен.

Итак, данные уголовные составы в современной правовой практике не делятся на общие и специальные, а скорее перекрывают друг друга в некоторых аспектах.

Статья 293 Уголовного кодекса Российской Федерации квалифицирует халатность как нарушение должностным лицом установленных обязательств из-за недобросовестного или небрежного отношения к выполнению служебных функций. Такое поведение, приводящее к значительному ущербу или нарушению прав и интересов граждан, организаций или государства, подлежит уголовной ответственности.

Подобно статье 285 УК РФ, объектом преступления по статье 293 УК РФ является функционирование государственного аппарата. В контексте халатности это включает вред здоровью и жизни населения, экономическим интересам государства и частных лиц, а также ущерб собственности.

По своей структуре, халатность может проявляться как через бездействие, так и через неправомерные действия должностного лица, что схоже со злоупотреблением должностными полномочиями. Тем не менее, ключевое отличие между этими двумя типами правонарушений заключается в их субъективной стороне.

Специалисты в области юриспруденции полагают, что субъективное отношение к халатности определяется как неосторожная вина, которая проявляется через легкомыслие или небрежность. Легкомыслие

характеризуется осознанием потенциальной опасности действий, но безосновательной надеждой на предотвращение негативных последствий. Небрежность, в свою очередь, отражает отсутствие такого осознания несмотря на явную необходимость и возможность его формирования.

Важно отметить, что халатность относится к категории неосторожных преступлений, в отличие от умышленного злоупотребления полномочиями. Как указывает В.Н. Борков, в рамках действий, предусмотренных статьёй 293 УК РФ, должностное лицо может игнорировать свои обязанности по причинам забывчивости, невнимательности или недостаточной квалификации, что не является результатом умысла, в отличие от умышленного искажения служебных обязанностей при злоупотреблении полномочиями.

М.А. Тыняная с вышеприведенной позицией не соглашается, считая что отношение должностного лица к неисполнению обязанностей может быть различным. В одном случае лицо может намеренно не исполнять свои обязанности, в другом – забыть о необходимости их совершить, т.е. не осознавать, что нарушает свои обязанности.

При совершении халатности мотив преступления отсутствует, но есть мотив поведения и он может быть любой, включая корыстную и иную личную заинтересованность.

Для правильного разграничения между злоупотреблением должностными полномочиями и халатностью, необходимо в первую очередь установить психологическое отношение лица, совершившего деяние, к возможным общественно опасным последствиям его действий. Статья 201 УК РФ, определяющая злоупотребление полномочиями, схожа с составом преступления по статье 285 УК РФ, однако существуют определенные различия.

«Объект преступления по статье 201 УК РФ охватывает общественные отношения, касающиеся деятельности как коммерческих, так и некоммерческих организаций и их управленческих структур. Дополнительно

к этому, в рамках данного правонарушения затрагиваются права и интересы граждан, а также интересы государства и общества в более широком смысле.

В контексте преступлений, связанных со злоупотреблением должностными полномочиями, основными объектами являются законные отношения в сфере функционирования государственной власти, управления и местного самоуправления, включая различные государственные и муниципальные структуры, а также военные формирования. При этом, к альтернативным или дополнительным объектам относят права физических и юридических лиц, а также общественные и государственные интересы, которые подлежат защите законом» [7].

Схожесть объектов в рассматриваемых категориях преступлений присутствует в части влияния на дополнительные и альтернативные блага. Однако субъекты этих действий отличаются. Согласно примечанию к статье 285 УК РФ, субъектом злоупотребления полномочиями является лицо, исполняющее представительные или организационно-распорядительные функции в органах государственной или муниципальной власти, государственных корпорациях, а также в коммерческих организациях, контрольные пакеты акций которых находятся в государственной или муниципальной собственности. Это также касается военнослужащих и сотрудников различных военных формирований.

Субъектом злоупотребления полномочиями, на основании примечания 1 к ст. 201 УК РФ, признается лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, выполняющее функции единоличного исполнительного органа, члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, а также лиц, постоянно, временно либо по специальному полномочию

выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в этих организациях.

Различия между субъектами в контексте злоупотребления полномочиями заметно проявляются в сфере их функциональной деятельности. Должностные лица, действующие в рамках публичного аппарата власти и аппарата местного самоуправления, выполняют свои обязанности, представляя публичные интересы и обеспечивая законность в деятельности государственных органов. В то время как субъекты злоупотребления полномочиями в коммерческих и иных некоммерческих организациях занимаются управленческими функциями, не имея статуса публичных служащих и не представляя общественные интересы.

Изучая объективные характеристики рассматриваемых преступлений, становится очевидным, что, несмотря на внешнее сходство составов, существенное различие проявляется в юридических формулировках. Статья 201 УК РФ делает акцент на действиях, которые осуществляются «вопреки законным интересам организации», что предполагает фокусировку на защите интересов коммерческих структур. В контрасте с этим статья 285 УК РФ акцентирует внимание на действиях «вопреки интересам службы», что влечёт за собой защиту законной деятельности государственных и муниципальных учреждений.

Различия в субъективной стороне также являются ключевыми. По статье 201 УК РФ, мотивация может быть различной, но обычно включает в себя стремление к личной выгоде или желание причинить вред другим. Напротив, злоупотребление должностными полномочиями по статье 285 часто связано с неправомерным использованием служебного положения, что идет вразрез с интересами государственной или муниципальной службы.

При аналитическом рассмотрении уголовных дел по статьям 285 и 201 УК РФ необходимо учитывать указанные различия в объекте, субъекте и

субъективной стороне действий, чтобы обеспечить корректную квалификацию преступлений и определение ответственности лиц.

Текущая правоприменительная практика сталкивается со сложностями, особенно в вопросах отграничения преступлений, таких как получение взятки и злоупотребление должностными полномочиями, что часто зависит от конкретных обстоятельств случая, включая наступление последствий и цели действий [44]. Российское законодательство предусматривает, что основным критерием для отграничения данных составов является момент завершения преступного деяния. В частности, «состав преступления по ст. 285 УК РФ считается материальным, так как завершается с моментом наступления общественно-опасных последствий, в то время как ст. 290 УК РФ определяет преступление как формальное, завершающееся с моментом получения или обещания незаконного вознаграждения, независимо от наступления последствий» [32, с. 371].

Разделение злоупотребления должностными полномочиями и взяточничества по объективной стороне является сложной проблемой в уголовном праве, особенно когда речь идет о получении нематериальных выгод должностным лицом. Отечественные ученые, в том числе Хохлов Е.В., проводили исследования в этой области, выделяя основные отличия между этими преступлениями. Взяточничество, регулируемое статьёй 290 УК РФ, характеризуется получением материальных выгод, таких как деньги или имущественные права, в обмен на выполнение или невыполнение действий в интересах взяткодателя. В то время как злоупотребление полномочиями (ст. 285 УК РФ) может включать получение нематериальных выгод, таких как преференции, улучшение репутации или иные нематериальные преимущества, которые трудно оценить в денежном эквиваленте.

Ключевым элементом при рассмотрении преступления по ст. 290 УК РФ является наличие корыстной цели, которая обязательно должна быть доказана для квалификации действия как взяточничество. С другой стороны,

злоупотребление должностными полномочиями по ст. 285 УК РФ может быть мотивировано как корыстной, так и иной личной заинтересованностью, что делает этот признак альтернативным.

Приведем пример из практики.

Приговор суда Андреапольского района, согласно которому «Минаев, будучи сотрудником ФКУ ЛИУ- УФСИН России по Тверской области и имея доступ к осужденным, отбывающим наказание в данном учреждении, т.е. используя свое служебное положение из корыстной заинтересованности совершал продажи сотовых телефонов осужденным, иметь и приобретать которые осужденные не имели права. Совершив ряд преступлений, Минаев был признан виновным по ст. 285 УК РФ» [38].

Анализ современного уголовного законодательства Российской Федерации, включая статьи 285 УК РФ и её специализированные аналоги - ст. ст. 285.1, 285.2, 285.3 и 285.4 УК РФ, подчеркивает чёткое разграничение между общим составом злоупотребления полномочиями и специальными составами преступлений. Эти последние статьи конкретизируют преступные действия, связанные с бюджетными средствами, средствами государственных внебюджетных фондов, недостоверными сведениями в государственных реестрах и злоупотреблениями в рамках государственного оборонного заказа.

Важно отметить, что каждая из этих статей определяет особый непосредственный объект посягательства, который является специфичным для конкретных сфер деятельности и требует наличия у субъекта преступления определённых должностей или специальных полномочий для его совершения. Таким образом, различие по субъекту преступления также является значимым, так как не каждое лицо, имеющее возможность совершать злоупотребление полномочиями в общем смысле, способно совершить преступления, предусмотренные упомянутыми специализированными статьями.

Злоупотребление полномочиями обычно связано с корыстной мотивацией и осуществляется без физического изъятия имущества. В этих

случаях действия направлены на получение неправомерной выгоды за счет злоупотребления служебным положением. В контексте хищения, в том числе по частям 3 статей 159 и 160 УК РФ, преступление характеризуется использованием должностного положения для прямого присвоения или растраты имущества. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 года № 19 подчеркивает, что хищение, осуществленное в процессе физического изъятия имущества, подпадает под действие указанных статей.

Если же в рамках использования должностных полномочий совершаются дополнительные незаконные действия, отражающие личные интересы, возможно стоит рассматривать такие случаи как совокупность преступлений, требующую особого подхода в квалификации и разграничении ответственности.

Это различие подчеркивает необходимость внимания к деталям каждого конкретного случая. При квалификации действий должностного лица необходимо учитывать не только сам факт хищения, но и сопутствующие обстоятельства и мотивы, указывающие на возможное злоупотребление полномочиями. Такой подход обеспечивает точное разграничение преступлений и способствует адекватному применению уголовного законодательства, что важно для справедливости и эффективности правоприменительной практики.

3.2 Сложные вопросы квалификации злоупотребления должностными полномочиями и пути их решения

В дополнение к ранее обсужденным элементам этого преступного деяния, включая его классификацию и разграничение с другими сходными преступлениями, существуют также вопросы, касающиеся конкретизации определённых характеристик преступления, связанные с неправомерным использованием служебных полномочий. В контексте усиления мер по борьбе

с коррупционными преступлениями особое значение приобретает эффективное применение уголовного законодательства в части наказания за неправомерное использование служебного положения [51, с. 47].

Этот тип преступления, хотя и распространен среди аналогичных преступлений, продолжает оставаться труднообнаруживаемым. В то же время, анализ применения статьи 285 Уголовного кодекса Российской Федерации показывает многочисленные ошибки, особенно из-за недостаточной проработки теории в части критериев его квалификации. Исследование юридических аспектов преступлений, связанных с злоупотреблением служебными полномочиями, обнаруживает серьезные несоответствия между теоретическими основами и практическим применением.

Основная задача заключается в разъяснении основных характеристик определенного вида преступления и выявлении его различий с другими видами уголовных нарушений. В частности, возникают трудности при идентификации особенностей лица, занимающего официальное положение, которое может быть причастно к такому преступлению. Законодательные меры, направленные на борьбу с коррупцией, например, Федеральный закон № 273-ФЗ, принятый 25 декабря 2008 года, усиливают важность этой борьбы.

Тем не менее, принятие постановлений, таких как решение Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24 и его последующее обновление 24 декабря 2019 года № 59, касающееся рассмотрения дел о коррупции, не только не решает существующие проблемы в определении злоупотреблений, но и, фактически, увеличивает их область.

Конфликты в интерпретации уголовной ответственности за определённые действия, упомянутые в текущем и предыдущем решениях от 10 февраля 2000 года, номер 6, становятся заметными. Введение в действие Федерального закона России "О противодействии коррупции" в 2008 году значительно усилило борьбу с коррупцией, предоставив законодателям и правоохранительным органам твёрдую основу для противодействия коррупционным действиям. Однако, существуют определённые моменты в

определении коррупции, которые, по нашему мнению, нуждаются в дополнительной доработке и совершенствовании. В частности, подход законодателя, основанный на перечислении элементов коррупции, подвергается критике.

Данный подход не позволяет учесть многообразие преступлений, связанных с коррупцией. Список коррупционных нарушений умалчивает о таких серьезных виде противоправных действий, как злоупотребление властью (согласно статье 286 Уголовного кодекса Российской Федерации), создание препятствий для законных бизнес-инициатив или другой деятельности (статья 169 УК РФ), нелегальные операции с земельными участками (статья 170 УК РФ), недобросовестное влияние на исход официальных спортивных состязаний или коммерческих соревнований с элементами зрелища (статья 184 УК РФ), участие в бизнесе вопреки закону (статья 289 УК РФ), а также прочие противозаконные действия.

К тому же, в рамках определения коррупции, в числе прочих преступлений, связанных с коррупцией, упоминается неправомерное использование должностных прерогатив. Остается неясным, к какой категории нарушений следует отнести данное действие, ведь в Уголовном кодексе Российской Федерации предусмотрена ответственность не за неправомерное использование должностного статуса, а за злоупотребление полномочиями. Такой расширенный взгляд на коррупционное нарушение кажется недостаточно точным.

Кроме того, исходя из определения, принятого в законодательстве, коррупция возможна только при условии наличия личной выгоды в виде денежного вознаграждения, материальных ценностей, услуг или прав на имущество, преследуемых для собственной пользы или интересов других лиц.

Эта концепция не охватывает поведение, стимулированное другими факторами, такими как желание карьерного роста, групповая выгода или личная выгода, а также недопустимое предпочтение в профессиональной

сфере. В отличие от этой идеи, в документах ООН коррупция рассматривается как злоупотребление официальными полномочиями для личной выгоды.

В контексте анализа злоупотреблений полномочиями, особое внимание уделяется изучению поведения чиновников, задачи которых включают выявление и следствие нарушений закона, особенно когда они стремятся скрыть преступные действия или искажают их законную интерпретацию.

Эти поступки отличаются высокой степенью риска для общества, так как они могут привести к уклонению от законных последствий и причиняют значительный урон деятельности государственных органов. Иллюстрацией таких проблем может служить случай, зафиксированный на официальном веб-сайте МВД России. В Тюмени произошел инцидент с участием офицера полиции по фамилии Х., который подвергся обвинениям в ненадлежащем выполнении своих должностных обязанностей во время конфликта с гражданином П., находившимся в состоянии наркотического опьянения и демонстрировавшим агрессивное поведение.

Полицейский не осуществил арест, даже когда стало ясно, что поведение гражданина П. остается угрожающим, а затем, когда тот вооружился ножами и направился на общественное место, Х. снова не предпринял меры, что в итоге привело к печальному результату: П. напал на прохожего, причинив ему смертельные травмы. Данный инцидент поднимает вопрос о критическом значении должного исполнения служебных обязательств и необходимости адекватной оценки таких действий в ракурсе борьбы с коррупцией. Обсуждаемое деяние является явным примером не только неисполнения обещаний предотвратить преступление, но и косвенной поддержки такового.

Тем не менее, в текущей редакции статьи 285 Уголовного кодекса Российской Федерации отсутствует определенный критерий. Поэтому предлагается расширить третий пункт статьи 285 УК РФ, включив в него уточнение: «...или приведшее к совершению преступления тяжкого или особо тяжкого характера».

«Важным аспектом для определения статуса должностного лица является место исполнения его служебных обязанностей. Помимо органов государственного и муниципального управления, учреждений, а также Вооруженных Сил РФ и других военных формирований, служебные функции могут выполняться в структурах государственных корпораций. Под государственной корпорацией понимается некоммерческая организация без членства, созданная по инициативе Российской Федерации на основе вклада имущества для выполнения функций социального, управленческого или другого общественного назначения» [6].

Недавно были созданы несколько ключевых государственных организаций, в том числе «Ростех», Российская организация по развитию нанотехнологий и «Росатом». Эти организации играют важную роль в осуществлении научных и технических инициатив, управлении государственными активами и финансами, а также в организации и проведении тендеров для выполнения различных проектов. Исследователь П.А. Скобликов отмечает, что эти корпорации не принимают непосредственного участия в выполнении государственных функций и не имеют соответствующих полномочий. По этой причине, любые нарушения закона, совершенные руководством этих организаций, не должны рассматриваться как действия, влекущие за собой ответственность за злоупотребление властными полномочиями.

Писатель выражает мнение о необходимости исключения упоминаний о «государственных корпорациях» из аннотаций к статье 285 Уголовного кодекса Российской Федерации. В то же время, в академических кругах считают, что такой подход может быть недостаточно обоснованным. Ведь руководители госкорпораций выполняют обязанности, аналогичные функциям, возложенным на работников государственных и муниципальных организаций, при этом их роль зачастую оказывается более значимой. Это подчеркивается в исследованиях [51, с. 211].

Вопрос неясности в определении кто считается «должностным лицом» в разных секторах российской правовой системы, продолжает оставаться открытым.

Несмотря на многочисленные научные работы, посвященные вопросам служебных нарушений и преступлений на должностном уровне, до сих пор существует неопределенность в отношении того, как правильно разделить обязанности и полномочия руководителей от других видов деятельности, имеющих юридическое значение. Это затрудняет четкое определение, что именно должно подпадать под уголовно-правовую защиту в области управления и власти.

В соответствии с замечанием к пункту 2.4 Кодекса об административных правонарушениях РФ, руководители и работники организаций, нарушающие закон в ходе выполнения своих управленческих или административно-экономических обязанностей, а также те, кто совершил административные нарушения, указанные в определенных разделах КоАП РФ, включая участников директивных советов, исполнительных комитетов и ревизионных комиссий, подлежат ответственности как должностные лица [50, с. 580].

Данное уточнение определения "чиновник" направлено на усиление контроля в области административных нарушений и усовершенствование законодательной охраны в секторе управления компаниями. В результате наблюдается конфликт в определениях чиновника в рамках уголовного и административного права в этом аспекте. Чтобы разрешить эти несоответствия, предложение в статье 2.4 Кодекса об административных правонарушениях РФ, касающееся ответственности чиновников, было бы логично согласовать с аналогичным пунктом в статье 285 Уголовного кодекса РФ.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что анализируя уголовно-правовые аспекты основных форм злоупотребления властью, мы выдвигаем предложения по разрешению спорных моментов в определении правонарушений, а также идеи для улучшения законодательных мер в сфере

наказания за подобные незаконные действия. Мы уверены, что реализация наших предложений по модификации уголовного кодекса Российской Федерации позволит уменьшить количество трудностей при его применении и сделает систему борьбы со злоупотреблением служебными полномочиями более эффективной, усложняя для преступников возможность избежать заслуженного наказания [39].

В сфере применения законодательства часто возникают случаи, когда аналогичные виды преступлений интерпретируются правоохранными органами различным образом, приводя к их классификации по разным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации, в частности, иногда это статья 285, а иногда - статья 159.

Как пример можно привести решение Ворошиловского райсуда Волгоградской области, датированное 19 июля 2019 года, согласно которому поступки лица по имени В. были оценены как нарушения по первой части статьи 285 УК РФ в трех различных эпизодах. Описанные действия заключались в том, что, занимая должность руководителя детского сада и обладая соответствующей властью, он намеренно, преследуя личную выгоду и действуя вопреки интересам учреждения, формально трудоустроив людей, которые на деле не выполняли никакой работы. Заработная плата и дополнительные выплаты, начисленные таким «сотрудникам», использовались им как для личных целей, так и для покрытия некоторых расходов учреждения.

В результате своих действий он нанес значительный финансовый урон государственной организации, убытки от которого превысили 1,26 миллиона рублей. В другом случае, основываясь на решении, принятом Камышинским горсудом 27 ноября 2019 года, Л. был обвинен в деяниях аналогичного характера. Эти действия заключались в создании фиктивных должностей для работников детского сада и присвоении их зарплат, что привело к ущербу более 114 тысяч рублей. Судебное решение определило эти действия как совокупность преступлений, включая должностной подлог согласно части 1

статьи 292 УК РФ и мошенничество в особо крупном размере по части 3 статьи 159 УК РФ, совершенное с использованием служебного положения [51, с. 211].

В данном контексте представляется более целесообразным использовать метод, соответствующий сущности преступления, связанного с неправомерным завладением чужим имуществом путем обмана, при этом эксплуатируя профессиональное положение.

С учетом вышеизложенного, очевидна сложность в точном установлении уголовной ответственности за поступки, схожие с теми, что оговорены в статье 285 Уголовного кодекса Российской Федерации. Эта проблема существует как в теоретическом изучении уголовного законодательства, так и в его практическом применении. Это выделяет важность продолжения научных исследований и разработки методологии для классификации преступлений с подобными действиями, что влечет за собой необходимость дальнейшего аналитического изучения в этой сфере.

Заключение

В заключении данной выпускной квалификационной работы можно сформулировать итоговые выводы, предложения и рекомендации.

В историческом контексте, начало законодательного регулирования должностных преступлений, в частности злоупотребления полномочиями, уходит корнями в эпоху вечевых и уставных грамот, последующих Судебников и Соборного Уложения 1649 года, а также других законодательных актов дореформенного периода. Особенностью данных актов было то, что ответственность наступала преимущественно за деяния, ущемляющие интересы государственной элиты — воевод, князей и прочих представителей власти.

Изменения в законодательной практике начались в период реформ Петра I, когда акцент в правовой защите стал смещаться в сторону защиты прав и свобод граждан, вне зависимости от их социального и служебного статуса, при этом не забывая о защите интересов самого государства. Данная тенденция продолжалась и во время последующих правовых реформ, включая советский период. основополагающий вклад в формирование современной концепции противодействия коррупционным преступлениям был внесен с принятием Уголовного кодекса РФ в 1996 году, который учитывал и международную практику в данной области.

Анализируя антикоррупционное законодательство как в России, так и за рубежом, можно отметить, что в условиях глобализации концепция коррупции становится все более унифицированной. Россия активно адаптирует зарубежные методики борьбы с коррупцией, хотя каждая страна применяет и свои уникальные методы. Различаются и правовые инструменты, которые государства применяют против коррупции среди чиновников. Успехи в борьбе с коррупцией значительно разнятся из-за различий в менталитете, социально-культурных особенностях, историческом и политическом пути развития каждой страны и иногда даже из-за географического положения.

Можно с уверенностью заявить, что проблема коррупции в той или иной форме актуальна для всех стран мира, и пока что говорить о каких-либо перспективах полного её решения не приходится.

Что касается отечественной историко-правовой и философско-правовой традиции понимания такого явления как коррупция, то только в летописях XIV в. встречаются первые упоминания о такой форме нарушения общепринятых норм правового поведения, как коррупция. Под коррупцией понималось злоупотребление служебным положением, которое имело целью материальное обогащение.

Согласно действующему законодательству Российской Федерации, уголовный кодекс определяет злоупотребление должностными полномочиями как превышение либо неправомерное использование предоставленных должностным лицом полномочий, противоречащее интересам службы, осуществляемое из личной заинтересованности, влекущее за собой значительное нарушение прав и интересов лиц и организаций, а также интересов общества и государства, которые находятся под защитой закона.

Под злоупотреблением полномочиями понимается деяние, затрагивающее отношения, регулируемые правовыми нормами и связанные с деятельностью органов государственной власти и управления, включая местное самоуправление, государственные и муниципальные учреждения, структуры управления в Вооруженных силах и других воинских формированиях страны. Подразумевается, что нарушаются общественные отношения, которые гарантируют законную работу этих институтов.

Преступление, установленное статьей 285 УК РФ, относится к категории материальных преступлений и предполагает наличие трех элементов: общественно опасного действия или бездействия, общественно опасных последствий и причинно-следственной связи между ними. Злоупотребление полномочиями может проявляться как в форме активных действий, так и в форме бездействия.

Основным условием квалификации по данной статье является деяние, совершенное «вопреки интересам службы», т.е. не соответствующее служебным обязанностям и целям деятельности государственных органов и учреждений, которые, как правило, зафиксированы в соответствующих федеральных законах.

Субъективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется наличием прямого либо косвенного умысла. В диспозиции нормы, предусмотренной в ст. 285 УК РФ предусматривается наличие вины и специальный мотив - «корыстная или иная личная заинтересованность», который проявляется в стремлении должностного лица, в результате совершения им злоупотребления полномочиями, извлечь незаконную имущественную выгоду либо реализовать личную заинтересованность (карьеризм, желание приукрасить действительное положение дел, семейственность и т.п.). В случае отсутствия указанного мотива деяние не образует состав преступления предусмотренного ст. 285 УК РФ. Субъективная сторона должностного злоупотребления позволяет отграничить данное деяние от халатности, а также от хищения с использованием служебных полномочий.

Субъект данного преступления специальный - должностное лицо, понятие и признаки которого определены в примечании 1 к ст. 285 УК РФ и разъясняются в Постановлении Пленума Верховного Суда от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий».

По итогам проведенного исследования критериев, позволяющих дифференцировать дела аналогичной природы по злоупотреблению должностными полномочиями, можно констатировать, что в научной юриспруденции они прописаны с достаточной степенью точности. «Преступление, описываемое статьей 285 УК РФ, выделяется от превышения полномочий, урегулированного статьей 286 УК РФ, особенностями как в части объективных, так и субъективных характеристик. Однако ключевое отличие между этими статьями кроется в объективной составляющей: при

злоупотреблении полномочиями деяния совершаются в рамках предоставленных прав, в то время как при превышении полномочий лицо действует за пределами данной ему власти.

В отношении разграничения между рассматриваемым деянием и халатностью, закрепленной статьей 293 УК РФ, принципиальное различие заложено в субъективной сфере. Халатность предполагает неосторожную вину в форме преступной небрежности, в то время как злоупотребление полномочиями всегда связано с умышленной виной, которая может быть как прямой, так и косвенной» [7].

Статья 201 Уголовного кодекса Российской Федерации фокусируется на злоупотреблении полномочиями в сфере коммерческой деятельности, где объектом выступает экономика предприятий и организаций. Это контрастирует со злоупотреблением должностными полномочиями по статье 285 УК РФ, где объектом являются общественные отношения, обусловленные деятельностью государственных органов. Субъект преступления по ст. 201 УК РФ - это лица, осуществляющие управление в коммерческой организации, в отличие от ст. 285 УК РФ, где субъектом могут быть только государственные служащие.

Отличительные черты преступления по ст. 285 и ст. 290 УК РФ проявляются в механизме совершения и этапе завершения преступления. Злоупотребление должностными полномочиями считается законченным с момента наступления вредных последствий, в то время как преступление по ст. 290 УК РФ - взяточничество - завершается в момент фактического получения неправомерной выгоды, независимо от последствий для общественных отношений. При этом корыстный мотив в статье 290 УК РФ является неотъемлемым элементом состава преступления, тогда как в статье 285 УК РФ корысть может быть лишь одним из возможных стимулов к действию наряду с другими личными интересами.

Хотя преступления, урегулированные статьями 285.1, 285.2, 285.3 и 285.4 УК РФ, на первый взгляд могут казаться схожими с составом ст. 285 УК

РФ, на деле они различаются по содержанию объекта правонарушения и по специфике субъекта преступления, что делает их уникальными в контексте уголовного законодательства.

В настоящем исследовании рассматривается предложение о введении в Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) отдельной статьи, закрепляющей ответственность за «бездействие властных структур». Подобное бездействие со стороны должностных лиц рассматривается как действие, имеющее все характеристики соучастия в преступлении, и фактически является непреднамеренным содействием преступным деяниям. Для корректировки данной ситуации предлагается два пути: первый включает модификацию части третьей статьи 285 УК РФ путем добавления описания деяний, которые, будучи совершенными в соответствии с первой или второй частями упомянутой статьи, привели к совершению преступления тяжкого или особо тяжкого характера; второй предлагает введение специфической статьи в УК РФ (например, статья 285.5), которая бы определяла ответственность за преднамеренное бездействие, влекущее за собой серьезные последствия.

Заключительная часть работы подчеркивает, что, несмотря на наличие определенных критериев в теории уголовного права для разграничения рассматриваемых преступных составов, на практике встречаются затруднения в их квалификации. Это указывает на необходимость дополнительной теоретической проработки вопросов и их практического применения. Особенно важным является обеспечение взаимосвязи между теоретическими исследованиями и практической деятельностью в области уголовного права. Ведь без реализации теоретических наработок в практической деятельности правоохранительных органов теория уголовного права не сможет адекватно развиваться. Аналогичным образом, без теоретической поддержки правоприменительные органы сталкиваются с трудностями при интерпретации и применении норм права в конкретных случаях.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Абдрахимов Б.А. Профилактика и предупреждение коррупции. российский и зарубежный опыт / Б.А. Абдрахимов // Аллея науки. 2020. № 1 (17). С. 612-616.
2. Авдецкий А.Г., Голобородько А.Ю. О зарубежных подходах к противодействию коррупции / А.Г. Авдецкий, А.Ю. Голобородько // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 1 (92). С. 129-131.
3. Алексеева Л.А. Имплементация зарубежного опыта борьбы с коррупцией в России / Л.А. Алексеева // Юридический мир. 2018. № 4. С. 41-45.
4. Астанин В.В. Коррупция и борьба с ней в России второй половины XVI-XX вв. (криминологическое исследование) : автореф. дисс. ... к.ю.н. / В.В. Астанин; – М., 2021. 116 с.
5. Блашкова Л.Л. Вопросы совершенствования уголовного законодательства об ответственности за злоупотребление должностными полномочиями / Л.Л. Блашкова // Государство и право. Юридические науки. 2021. №87. С. 90-122.
6. Богуш Г.И. Коррупция и международное сотрудничество в борьбе с ней : автореф. дисс. ...к.ю.н. / Г.И. Богуш. – М., 2004. 278 с.
7. Бойко А. И. Преступное бездействие. - СПб., 2023. 459 с.
8. Брежнев О.В. Развитие законодательства субъектов Российской Федерации о противодействии коррупции: история, проблемы, тенденции / О.В. Брежнев // Современное региональное управление: тенденции и приоритеты развития. 2018. С. 258-263.
9. Бриллиантов А.В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 2 т. / А.В. Бриллиантов, Г.Д. Долженкова, Э.Н. Жевлаков и др. - М. : Проспект, 2022. 265 с.

10. Волосова Н.Ю., Шелуданова Л.В. История развития теоретических представлений и законодательных норм по противодействию коррупции / Н.Ю. Волосова, Л.В. Шелуданова // Наука среди нас. 2020. № 1 (5). С. 238-242.
11. Волошенко А.В. Коррупция: исторические истоки и современные проявления / А.В. Волошенко // Актуальные проблемы экономики. 2015. № 3. С. 9-15.
12. Дерюга А.Н., Борзунова А.М. Сравнительный анализ правового регулирования противодействия коррупции в Российской Федерации и в зарубежных странах / А.Н. Дерюга, А.М. Борзунова // Актуальные вопросы юридической науки и практики. 2018. С. 217-222.
13. Динека В.И. Уголовная ответственность за превышение власти или служебных полномочий сотрудников органов внутренних дел. - М., 1992. 190 с.
14. Кайнов В.И. Римское право. - М. : Юрайт, 2019. 597 с.
15. Калмыков П.Д. Учебник уголовное право. Часть общая. - СПб., 1866. 349 с.
16. Кафланова С.З. Коррупция в России: история и современность / С.З. Кафланова // Право, общество, государство: проблемы теории и истории. 2022. С. 302-304.
17. Кириллова А.И. История возникновения и развития коррупции в России / А.И. Кириллова // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. 2018. № 1. С. 98-99.
18. Коновалов В.А. Генезис феномена «коррупция» в административно-правовой доктрине Российской Федерации // В.А. Коновалов // Вопросы российского и международного права. 2018. № 7-8. С. 42-54.

19. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. 04.08.2014. № 31. - ст. 4398.
20. Кораблева Л.А. Теория и история феномена коррупции / Л.А. Кораблева // Студенческий. 2018. № 4 (24). С. 63-66.
21. Кузякин С.В. Противодействие коррупции: российский и зарубежный опыт / С.В. Кузякин // Закон и право. 2018. № 5. С. 150-155.
22. Курманов М.М. Ответственность главы муниципального образования: проблемы правового регулирования / М.М. Курманов, И.Х. Миннегулов // Юридический мир. 2017. № 4. С. 13-15.
23. Лесняк А.А., Тютёва А.А. Противодействие коррупции за рубежом: полезный опыт для России / А.А. Лесняк, А.А. Тютёва // Студенческий научный форум [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.scienceforum.ru> / 2018 / 1350 / 9018 (Дата обращения: 01.04.2024).
24. Литвяк И.Г. Коррупция: понятия, виды, история развития в России / И.Г. Литвяк // Межотраслевые проблемы формирования правовой культуры в молодежной среде. 2018. С. 229-236.
25. Луковкин К.Е., Наржанкова Е.В. «Кормление» как разновидность коррупции в истории государства России XV-XVII веков / К.Е. Луковкин, Е.В. Наржанкова // Актуальные вопросы в науке и практике. 2018. С. 13-18.
26. Методы борьбы с коррупцией в Китае / Учебные материалы онлайн [Электронный ресурс]. - URL: https://studwood.ru/927007/pravo/metody_borby_korrupsiey_kitae (Дата обращения: 01.04.2024).
27. Милова И.Е. Зарубежный опыт борьбы с коррупцией: информация к размышлению / И.Е. Милова // Когнитивные аспекты развития бизнеса и общества. 2018. С. 215-220.
28. Моисеев В.В. Борьба с коррупцией в России. М. : Директ-Медиа, 2023. 369 с.

29. Нисневич Ю.А. Политика и коррупция: коррупция как фактор мирового политического процесса. М. : Издательство Юрайт, 2019. 287 с.
30. Новицкий И.Б. Римское право. - М. : Юрайт, 2019. 459 с.
31. Опыт законодательного обеспечения общественного и парламентского антикоррупционного контроля в некоторых государствах мира // Юридический консультант [Электронный ресурс]. - URL: [http: // www.jk.ru / analiticheskaja - informatsija / antikorrupsionnyj - kontrol - v - nekotorykh - gosudarstvakh - mira /](http://www.jk.ru / analiticheskaja - informatsija / antikorrupsionnyj - kontrol - v - nekotorykh - gosudarstvakh - mira /) (Дата обращения: 01.04.2024).
32. Пикалева В.В. Проблемы квалификации превышения должностных полномочий / В.В.Пикалева // Молодой ученый. 2018. № 14. С. 370-372.
33. Подковыров Е.А. История развития дореволюционного законодательства о фактах злоупотребления полномочиями в России / Е.А. Подковыров // Социально-экономические явления и процессы. 2017. № 7. С.185-190.
34. Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. - М., 1909. 485 с.
35. Поляков М.М. Зарубежный опыт противодействия коррупции / М.М. Поляков // Инновационное развитие: потенциал науки и современного образования. 2018. С. 212-223.
36. Поляков М.М. История противодействия коррупции органами прокуратуры в государственном управлении дореволюционной России XVIII - начала XX в / М.М. Поляков // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 6 (91). С. 11-19.
37. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Российская газета, 2009, 30 октября.

38. Приговор Андреапольского районного суда Тверской области от 17 фев. 2017г. по делу № 1-2/2017 [Электронный ресурс]. - URL: <http://sudact.ru/regular/doc/UgLIGT67AZNF/> (Дата обращения: 01.04.2024).

39. Приговор Ворошиловского районного суда Волгоградской области от 19.07.2019 года по делу № 1-249/2019 [Электронный ресурс]. - URL: <http://sudact.ru/regular/doc/y5OR4OT9LPs/> (Дата обращения: 01.04.2024).

40. Приговор Зимовниковского районного суда Ростовской области от 18 июля 2016 года по делу № 1-101/2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://rospravosudie.com/court-zimovnikovskijrajonnyj-sud-rostovskaya-oblast-s/act-549997964> (Дата обращения: 01.04.2024).

41. Приговор Камышинского городского суда Волгоградской области от 27.11.19 года по делу № 22-5434/2019 [Электронный ресурс]. - URL: <http://sudact.ru/regular/doc/t6UR8SD7KYg/> (Дата обращения: 01.04.2024).

42. Приговор Наро-Фоминского гарнизонного военного суда от 11 ноября 2016 г. по делу № 1-122/2016. [Электронный ресурс]. - URL: <https://rospravosudie.com/court-naro-fominskij-garnizonnyjvoennyj-sud-moskovskaya-oblast-s/act-536480276/> (Дата обращения: 01.04.2024).

43. Приговор Ступинского городского суда Московской области от 22 марта 2016 года по делу № 1-49/2016. [Электронный ресурс]. - URL: <https://rospravosudie.com/court-stupinskij-gorodskoj-sudmoskovskaya-oblast-s/act-521547143/> (Дата обращения: 01.04.2024).

44. Приговор Томского районного суда Томской области от 12 января 2015 г. по делу № 1/2015. [Электронный ресурс]. - URL: http://sudact.ru/regular/doc/4C2X8fo60L5K/?regulartxt=®ularcase_doc=®ularlawchunkinfo%29®ular (Дата обращения: 01.04.2024).

45. Пудовочкин Ю. Е. Учение о составе преступления : учеб. пособие. - М., 2021. 365 с.

46. Рагунштейн А.Г. Противодействие коррупции: зарубежный опыт / А.Г. Рагунштейн // Перспективы развития науки и образования. 2018. С. 172-179.

47. Романенко С.А. Коррупция в органах государственной власти: история и современность / С.А. Романенко // Молодой ученый. 2018. № 38 (224). С. 149-151.
48. Ромашкин П.С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. М., 1947. 340 с.
49. Руденко М.К., Попов И.А. Противодействия коррупции: история и современное состояние / М.К. Руденко, И.А. Попов // Студенческий форум. 2018. № 8-2 (29). С. 63-66.
50. Саркисян А.А. Зарубежная практика и российский опыт борьбы с коррупцией / А.А. Саркисян // Научное сообщество студентов. Междисциплинарные исследования. 2018. С. 577-585.
51. Скобликов П.А. Коррупция в современной России. М., 2018. 410 с.
52. Смелова С.В. Субъект квалифицированного вида превышения должностных полномочий (ч. 2 ст. 286 УК РФ) / С.В. Смелова // Российский следователь. 2008. № 10. С. 6-8.
53. Тимофеева А.А., Голодненко Е.В. Проблемы противодействия коррупции в России: история и современность / А.А. Тимофеева, Е.В. Голодненко // Территория новых возможностей. 2018. Т. 10. № 3 (42). С. 171-177.
54. Тыняная М.А. Отграничение халатности от других должностных преступлений / М.А. Тыняная // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 1 (19). С. 125-129.
55. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2011. № 11. Ст. 1495.
56. Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.03.2007. № 10, ст. 1152.
57. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 06.10.2003. № 40, ст. 3822.

58. Хохлов Е.В. Отграничение получения взятки от смежных составов. / Е.В. Хохлов // Наука через призму времени. 2017. № 7. С. 100-104.

59. Цепелев В.Ф. Криминальная коррупция и ее место в системе транснациональной организованной преступности / В.Ф. Цепелев // Современная уголовная политика в сфере борьбы с транснациональной организованно преступностью и коррупцией. Сборник статей. – М. : АО «Центр ЮрИнфоР». 2017. С. 128-129.

60. Якимов А.Л. Зарубежный опыт борьбы с коррупцией / А.Л. Якимов // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2018. Т. 22. С. 19-21.